

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

На правах рукописи

ЕВДОКИМОВ Алексей Игоревич

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕГО
МИГРАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИК
ЮЖНОЙ СИБИРИ)**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Чистанов Марат Николаевич

Абакан – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основания анализа этнокультурной идентичности в условиях внешнего миграционного давления	14
1.1. Теоретико-методологическая база исследования этнокультурной идентичности	14
1.2. Международная миграция в этнокультурной динамике территорий	39
ГЛАВА 2. Трансформация идентичности жителей республик Южной Сибири в условиях внешнего миграционного давления на современном этапе	62
2.1. Особенности этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири	62
2.2. Динамика социокультурного пространства Южно-Сибирского региона в условиях внешнего миграционного давления	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	114

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Поступательное увеличение количества и качества глобализационных взаимодействий, разрастание транснациональных социальных сетей, рост межкультурных контактов и взаимозависимостей, международные политические вызовы актуализируют проблему этнокультурной идентичности в наши дни. Этнокультурная идентичность превращается в защитный механизм, который позволяет этническим группам, находящимся под давлением глобальной культуры, отстаивать свои ценности, права и свободы, отстаивать свою инаковость. Международная миграция представляет собой основной канал подобного давления, который в современной ситуации неоднозначно воспринимается представителями разных этнических культур. Международные мигранты в ходе своего территориального перемещения ставятся носителями уникальной системы идентичности, которая формируется посредством символических взаимодействий с социумом принимающих сообществ.

Динамика социокультурного пространства Южно-Сибирского региона отмечается комплексом коммуникаций и отношений межэтнического, межкультурного и межнационального характера. Основными акторами данных коммуникаций являются представители крупнейших этнических групп в Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия: русские, алтайцы, тувинцы и хакасы. В результате длительного исторического процесса согласования этнических культур и конструирования надэтнических идентичностей среда межэтнических отношений между ними была гармонизирована. Активизация процессов внешней трудовой миграции в постсоветскую эпоху привела к появлению в региональном пространстве Южной Сибири международных мигрантов. В 1990-е годы основной миграционный канал был выстроен между республиками Южной Сибири и Китаем, но в 2000-е годы произошла его переориентация в сторону государств Центральной Азии

(Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана). Новая инфраструктура миграционных потоков способствовала активному включению трудовых мигрантов в общественно-политические процессы современной России. Это способствовало появлению миграционного давления, которое приезжие стали оказывать на социокультурное пространство Южно-Сибирского региона и этнокультурную идентичность его жителей.

Степень научной разработанности темы исследования. Комплексное междисциплинарное исследование заявленной проблематики в рамках таких направлений, как философская антропология и философия культуры, стало возможным благодаря обращению к обширной библиографической базе научных работ, посвященных проблемам этнокультурной идентичности в условиях внешнего миграционного давления. В зарубежной и отечественной научной литературе имеется немало работ, связанных с отдельными аспектами исследуемой проблематики со стороны философии, антропологии, культурологии, социологии, политологии и экономики.

Антропологическому аспекту изучения феномена «идентичности» посвящены работы П. Бергера и Т. Лукмана, Ч. Кули, Дж. Мида, Э. Эриксона¹.

Основой исследований этнокультурной идентичности являются работы западных классиков конструктивистской парадигмы: Ф. Барта, Б. Андерсена, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума² – в которых постулируются базовые теоретические и методологические принципы изучения различных аспектов идентичности.

В отечественной науке антропологическим исследованиям динамики этнических границ, развития этнических групп и формирования этнокультурной

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 316-329; Mead G.H. Mind, Self and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, London, 1934; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.

² Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. М., 2006. 200 с.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.; Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.

идентичности посвящены фундаментальные работы В. А. Тишкова, М. Н. Губогло, И. В. Малыгиной, И. А. Аполлонова¹.

Вопросам теоретической концептуализации феномена миграции и миграционных процессов посвящены классические работы Э. Равенштайна, У. Томаса и Ф. Знанецки, Э. Ли². Особенности этнокультурной динамики территорий под воздействием международной миграции обозначены в исследованиях Д. Массея и Н. Глик Шиллер³.

Необходимо отметить, что отечественная наука смогла создать собственный методологический инструментарий для осмысления процессов, связанных с миграцией. Теоретической концептуализации и различным проявлениям феномена «миграции» в России посвящены труды Л. Л. Рыбаковского, В. А. Ионцева, Т. Н. Юдиной, И. В. Ивахнюк⁴. Исследованию этнокультурной динамики территорий в рамках этносоциологического подхода в России посвящены работы таких авторов, как Г. А. Аванесова, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Ю. В. Мухлынкина, И. А. Литвинова, Н.В. Моджина⁵.

С другой стороны, существует ряд серьезных работ посвященных региональным исследованиям динамики этнокультурной идентичности под

¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. 544 с.; Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003. 764 с.; Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2005. 305 с.; Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 30-42.

² Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48. PP. 167-227; Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. New York, 1958. 741 p.; Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3(1). PP. 47-57.

³ Massey D. S. Social Structure, Household Strategies and the Cumulative Causation of Migration // Population Index. 1990. No. 56. PP. 3-26; Glick Schiller N. Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience. New York, 1999. 550 p.

⁴ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории). М., 2003. 235 с.; Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. 124 с.; Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004. 400 с.; Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1-2 (17-18). С. 26-43.

⁵ Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2004. 418 с.; Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. – М., 2003. 207 с.; Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской. М., 2003. 376 с.; Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 87-92; Литвинова И. А. Специфика социальных сетей мигрантов // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3. С. 63-69; Моджина Н. В. Миграция населения: компаративный анализ концептуальных подходов // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 4 (18). С. 71-78.

воздействием миграционных процессов. В контексте данного исследования стоит отдельно отметить труды сибирских исследователей. Работы научных сотрудников сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН: Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной, С. А. Мадюковой, О. А. Персидской, – сфокусированы на изучении различных влияний миграционных процессов на сообщество г. Новосибирска, Новосибирской области, Республики Алтай и Ханты-Мансийского автономного округа¹. Исследованию межэтнических, межкультурных и межрелигиозных отношений в Республиках Южной Сибири посвящены работы хакасских исследователей Л. В. Анжигановой, В. Г. Ибрагимовой, В. Н. Тугужековой и Ю. М. Аксютин². Этническая идентичность тувинцев стала предметом исследований таких авторов как Ч. К. О. Ламажаа и В. С. О. Донгак³. Анализ этнокультурной ситуации в Республике Алтай представлен в работах С. Г. Дудик, Ю. В. Хвастунова, Л. В. Кыпчаковой, И. С. Буханько и Е. В. Благовской⁴. Вопросам этнокультурной динамики территорий посвящен ряд работ И. В. Нам, М. Н. Фоминой, В. С. Морозовой, В. И. Дятлова, Ю. С. Замараевой, А. А. Анисимовой, О. Г. Ечевской⁵.

¹ Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методические основы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12. № 2. С. 111-117; Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 165-177; Мадюкова С. А., Персидская О. А. Установки в межэтнических отношениях как индикатор этносоциальной ситуации (на материале массового опроса в Республике Алтай) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 101-112.

² Анжиганова Л. В. Эволюция межнациональных отношений в Республике Хакасия (социологический аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 78-82; Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия – проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007. 87 с.; Тугужекова В. Н. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (к. 1980 – 1990-е годы). Абакан, 2005. 104 с.; Аксютин Ю. М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1-2. С. 99-106.

³ Ламажаа Ч. К. О. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 2.; Донгак В. С. О. Этническая идентичность тувинцев: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Санкт-Петербург, 2003. 183 с.

⁴ Дудик С. Г., Хвастунова Ю. В., Кыпчакова Л. В., Буханько И. С. Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2015. 108 с.; Благовская Е. В. Этническая идентичность как основа формирования институтов этнической идентификации в Республике Алтай: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Чита, 2013. 149 с.

⁵ Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2–1. С. 41-44; Фомина М. Н., Борисенко О. А. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1 (5). С. 105-113; Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. ... д-р. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. 378 с.;

Анализ современного состояния исследований близких к тематике данного исследования позволяет сделать вывод, что в последние годы акцент исследовательской работы постепенно смещается в сторону изучения межэтнических и межкультурных взаимоотношений, разработки вопросов по конфликтогенности и толерантности, разрешения проблем сохранения или растворения культур при их взаимодействии. Данная работа восполняет отсутствие современных философско-антропологических и культурфилософских исследований в области этнокультурной идентичности.

Объект диссертационного исследования: этнокультурная идентичность жителей полиэтничных регионов.

Предмет диссертационного исследования: влияние внешней миграции на этнокультурную идентичность жителей республик Южной Сибири.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и анализе особенностей трансформации этнокультурной идентичности жителей Южно-Сибирского региона в условиях внешнего миграционного давления.

Для достижения данной цели были поставлены и решены соответствующие **задачи:**

1. Проанализировать феномен этнокультурной идентичности и выделить компоненты структуры этнокультурной идентичности;
2. Выявить характер влияния международной миграции на этнокультурную динамику территорий;
3. Раскрыть специфику структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южно-Сибирского региона на современном этапе;
4. Охарактеризовать влияние внешнего миграционного давления на трансформацию социокультурного пространства Южно-Сибирского региона

Теоретическую базу исследования составили фундаментальные концепции в области философской антропологии и философии культуры отечественных и зарубежных исследователей. Это работы приверженцев конструктивистской парадигмы теории этноса: «Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий» Ф. Барта, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии» В. А. Тишкова. Важными инструментами анализа этнокультурной идентичности стали: концепция «Я-Другой» М. Бубера, М. М. Бахтина; теория структуризации Э. Гидденса; теория «вызова-ответа» А. Тойнби; концепция «текущей современности» З. Баумана; концепция этнокультурной идентичности И. В. Малыгиной.

Влияние международной миграции на этнокультурную динамику территорий было проанализировано в рамках концепции синтетической теории международной миграции и концепции транснациональной миграции. Этносоциологический подход к миграции позволил выявить маркеры трансформации этнокультурной идентичности в условиях внешнего миграционного давления.

Методологическая база исследования. В работе применяются методы системного анализа, сравнительного анализа, структурно-функционального анализа, культурно-исторической антропологии, диахронического и синхронического анализа. Для ясности и конкретизации выделения маркеров трансформации этнокультурной идентичности в региональном пространстве используется факторный анализ.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

1. На основе анализа теоретико-методологических подходов к исследованию идентичности в зарубежной и отечественной науке определены

основные факторы формирования этнокультурной идентичности, выделены элементы структуры этнокультурной идентичности

2. Выявлено, что международные мигранты оказывают существенное влияние на этнокультурную динамику территорий посредством давления, которое проявляется во всех сферах общественной жизни принимающего социума.

3. На основе анализа эмпирических данных выявлены основные компоненты структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири: комплиментарность и значимость гражданской идентичности в условиях внешнего миграционного давления

4. Установлено, что доминирующим направлением влияния миграционных потоков на социокультурное пространство является экономическая сфера, трансформирующая его через этнокультурное и религиозное давление.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этнокультурная идентичность представляется феноменом сознания личности, сконструированным на основе совокупности культурно-исторических, психологических факторов, в результате актуализации которых, у человека появляется ощущение единства с представителями этнической группы, к которой он принадлежит. На современном этапе в исследованиях зарубежных и отечественных ученых этнокультурная идентичность представляется многомерным феноменом, который можно представить в виде комплементарной системы самоидентификации личности, содержащей такие уровни, как глобальный, макрорегиональный, региональный и локальный, а также этнический и гражданский компоненты. Актуализация глобальной, макрорегиональной, региональной и локальной идентичности связана с процессами диалога культур, глобализацией и фрагментацией. Этническая и гражданская идентичности формируются и актуализируются в условиях обретения устойчивой взаимосвязи индивида с этносом и гражданской нацией.

2. Международная миграция оказывает влияния на этнокультурную динамику территорий посредством создания миграционных сетей в территориях

прибытия мигрантов. Миграционная сеть структурирует миграционные потоки и наделяет мигрантов свойствами мульти и транлокальности. Трансмигранты становятся трансляторами своей этнической культуры в территориях прибытия, тем самым трансформируя социокультурное пространство подобных территорий.

3. Философско-антропологический анализ данных социологических исследований, проводившихся в Южной Сибири с середины 1990-х годов, позволил определить превалирование компонента гражданской идентичности в структуре этнокультурной идентичности жителей региона. Несмотря на господствующее в отечественной науке положение об актуализации этнического компонента идентичности в случае возникновения потенциальных угроз для этнической культуры, в современной ситуации в Южной Сибири наблюдается снижение значимости этнической идентичности среди основных этнических групп региона. Детальное исследование структуры этнокультурной идентичности выявило тенденцию увеличения комплементарности идентичности жителей республик Южной Сибири, что стало следствием увеличения внешнего миграционного давления.

4. Динамические изменения, которые наблюдаются сегодня в социокультурном пространстве Южно-Сибирского региона, вызваны внешним миграционным давлением, которое связано с экономическим влиянием и выражено в увеличении трудовой миграции, в появлении этнического предпринимательства и определенных экономических ниш, занятых только мигрантами. Появление трудовых мигрантов способствует трансформации современного социокультурного пространства Южной Сибири, поскольку в него проникают иные этнокультурные компоненты и религиозные идеи.

По результатам проведенных исследований фиксируется, что на фоне сохранения и распространения мигрантами своих культурных и религиозных убеждений, на уровне общественного сознания по отношению к ним формируются негативные стереотипы, что способствует, с одной стороны, усилению напряженности и конфликтности в регионе, а с другой, возрастает

уровень актуализации гражданского, регионального и этнического компонентов этнокультурной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость работы. Данное диссертационное исследование дополнило теорию этнокультурной идентичности определением механизмов ее трансформации в условиях миграционного давления. Расширено представление о значении международной миграции в этнокультурной динамике территорий, определены основные механизмы воздействия. Настоящая диссертация актуализировала проблемное поле исследований межэтнических, межкультурных и межрелигиозных отношений в Южно-Сибирском регионе, отведя особое место миграционным процессам. Результаты и выводы исследования могут служить теоретико-методологической базой для исследования влияния международной миграции на этнокультурную идентичность в других полиэтничных регионах Российской Федерации.

Результаты исследования могут быть использованы в усовершенствовании таких лекционных курсов как философская антропология, философия культуры, социальная философия, этносоциология и этнокультурология. Результаты исследования будут полезны органам государственной власти и органам местного самоуправления для формирования региональной миграционной политики и создания механизмов мониторинга межэтнических отношений. Результаты исследования могут использоваться Министерством национальной и территориальной политики, Министерством культуры, Министерством науки и образования Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия, а также иных субъектов Российской Федерации при планировании и осуществлении мероприятий, связанных с межкультурной и межнациональной коммуникацией, разработке образовательных программ и дорожных карт.

Степень достоверности и апробация результатов. Апробация осуществлялись на методологических заседаниях кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Отдельные аспекты диссертационного исследования были раскрыты автором и

обсуждались на третьей международной научной конференции «Мир ислама: история, общество, культура» (Москва, 2014 г.), на XII – XVI межрегиональных научных конференциях молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (г. Новосибирск, 2014 – 2018 гг.), на II – IV международных научно-практических конференциях молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (г. Кызыл, 2014 – 2016 гг.), на XVIII – XX международных школах-конференциях студентов и молодых ученых «Экология Южной Сибири и сопредельных территорий», (г. Абакан, 2014 – 2018 гг.), на региональной научно-практической конференции «Культура в гендерном измерении: символы, ценности, ритуалы» (г. Абакан, 2015 г.), на VII российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений», (г. Уфа, 2016 г.), на V всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 2016 г.), на VI международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (г. Красноярск, 2016 г.), на всероссийской научной конференции «Конфликтология и конфликты в современном мире» (г. Омск, 2017 г.), на VII сибирском философском семинаре «Ландшафты сибирской философии: единство и многообразие. Наука. Образование. Культура» (г. Абакан, 2018 г.).

В период с 04.09.2015 г. по 17.09.2015 г. в рамках гранта «Академическая мобильность» Фонда Михаила Прохорова состоялась стажировка в Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики г. Бишкек Республики Кыргызстан с целью проведения научно-исследовательской работы в научных учреждениях и библиотеках города.

Апробация результатов исследования проходила в ходе работы исполнителем по следующим грантовым проектам:

– Акторы российской социокультурной модернизации: региональное измерение. (РГНФ № 15–03–18023). Руководитель: Анжиганова Л. В., д-р. филос. н., профессор;

– Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель) (Грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК–6746.2015.6). Руководитель: Аксютин Ю. М., канд. филос. н., доцент.

– Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме (Грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК–587.2017.6) Руководитель: Аксютин Ю. М., канд. филос. н., доцент.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 28 публикациях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в журналах из перечня, утвержденных ВАК.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, включающих четыре параграфа, Заключение и Библиографического списка.

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основания анализа этнокультурной идентичности в условиях внешнего миграционного давления

В данной главе рассматривается этнокультурная идентичность и ее трансформация в условиях внешнего миграционного давления. Использование концептуальных положений классических теорий западных и отечественных авторов позволяет рассмотреть данную проблематику сразу с нескольких позиций. Во-первых, с позиции представителей этнических групп принимающего сообщества, которые и являются центральным объектом нашего исследования. Во-вторых, с позиции мигрантов, которые в данном исследовании выступают в качестве фактора, оказывающего влияние на трансформацию этнокультурной идентичности принимающего сообщества, но при этом тоже находятся в ситуации кризиса идентичности в новых условиях жизни. В-третьих, со стороны нового социокультурного пространства, в котором появляются разнообразные межэтнические, межкультурные, межрелигиозные узлы отношений. Это свидетельствует о том, что международная миграция приводит к заметной этнокультурной динамике территорий, участвующих в миграционных процессах.

1.1. Теоретико-методологическая база исследования этнокультурной идентичности

Современность ставит перед человеком новые антропологические и экзистенциальные вызовы, которые заставляют по-новому смотреть на формирование ценностно-символической системы общества, детерминированной с одной стороны социокультурной средой проживания, с другой стороны глобальным информационным пространством массовых коммуникаций. Если в прошлом проблема «идентичности» человека сводилась к выбору внутри набора относительно устойчивых характеристик (религия, профессия, нация), то в современности наблюдается процесс постоянного дробления и размывания

идентичностей. Жизнь человека становится аналогом индуистского колеса сансары, в котором происходят рождения и смерти идентичностей.

В XX веке исследование феномена «идентичности» становится важным вопросом философской антропологии. Основным антропологическим аспектом проблемы идентичности становится изучение феномена «Я».

В теории «зеркального Я» Ч. Кули¹ определяет формирование идентичности как реакцию сознания индивида на взаимодействие с социальными группами. Основу становления идентичности закладывают интеракции с первичными социальными группами, такими как семья, родственники и друзья, но в дальнейшем, формирование личности происходит под воздействием широкого круга социальных агентов. Зеркальность «Я» выражается в том, что индивидуальное сознание формирует представление о собственном «Я» через восприятие других индивидов.

Американский философ Джордж Мид в своей теории символического интеракционизма выделил понятия «значимого другого» и «генерализированного другого» для характеристики динамики идентичности личности. В процессе социализации индивид вступает во множество социальных коммуникаций, но помимо этого на него оказывают влияние общественные установки, предрассудки и стереотипы. Процесс непосредственной интеракции с другими индивидами создает в сознании личности образы «значимых других». Содержанием данных образов является представление личности о наиболее ценных и значимых агентах социализации, которые повлияли на формирование идентичности. Символическая природа «генерализированного другого» выражается во влиянии на идентичность личности социокультурных традиций и норм, которые транслируются через общественную мораль, религию, политику и право.²

Теорию символического интеракционизма продолжает Т. Шибатуни, который делает акцент на значении эффективной коммуникации в формировании

¹ Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 316-329.

² Мид Дж. От жеста к символу. Интернационализованные другие и самость. Аз и Я // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 215-237.

идентичности личности¹. Система эффективной коммуникации является механизмом перевода групповых общественных норм в нормы культуры, которые создают для индивида особые социокультурные пространства бытия. Каждое пространство маркирует окружающих людей как «своих» или «чужих», поэтому, чем в больших пространствах находится личность, тем меньше людей воспринимаются как «чужие». Эффективная коммуникация становится характеристикой «Я», которая позволяет гармонизировать окружающие личность социокультурные пространства.

Идеи предшественников находят развитие в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Данная теория определяет представления человека о своем месте в мире в качестве основы конструирования реальности, в которой пребывает индивид. Важнейшим фактором формирования идентичности личности становится пребывание в «символическом универсуме», который представляется в виде intersубъективной реальности. Intersубъективная реальность появляется в сознании индивида благодаря «значимым другим» и влиянию коммуникационных систем различной символической природы. Символический универсум создает двустороннюю систему взаимоотношений между индивидом и окружающим его социумом, которая оказывает влияние на трансформации обеих сторон отношений².

Кризисные моменты, связанные с формированием идентичности личности, обозначил в своей концепции американский психолог Э. Эриксен. Кризис идентичности он связал с двойственностью данной характеристики сознания индивида, которое одновременно старается сохранить свою внутреннюю целостность и отождествить себя с окружающими. Так как окружающих в процессе взросления человека становится больше, то сознанию становится сложнее отождествлять себя с каждым новым «другим», что приводит к кризису идентичности. Э. Эриксен объясняет идентичность как «процесс одновременного

¹ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1999. С. 115-116.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 157-160.

отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него»¹.

Этнокультурная идентичность будет исследоваться в данной работе с позиций концепции этнокультурной идентичности И.В. Малыгиной, которая рассмотрела данный феномен в диахроническом и синхроническом аспектах. Синхронический аспект выделяет в качестве базовых элементов этнокультурной идентичности такие категории как «чувства», «самосознание» и «ментальность». Для нас большее значение представляет диахронический аспект, который связан с анализом исторических форм этничности, которые формируют этнокультурную идентичность².

В социокультурной антропологии классически выделяется 3 подхода к этничности: примордиализм, инструментализм, конструктивизм.

Представители примордиалистского подхода (Ю. В. Бромлей, И. Г. Гердер, К. Гирц, В. И. Козлов, Ю. И. Семнов и другие) считают этничность неотъемлемой объективной характеристикой индивида. Этносы возникают в ходе исторического развития, а этничность передается из поколения в поколение, как набор определенных биологических характеристик, так и совокупность социокультурных представлений этноса об окружающей действительности.

Инструменталисты (Л. Белл, Н. Глейзер, Д. Мойнихан и другие) воспринимают этничность в качестве инструмента для решения конкретных экономических или политических задач, стоящих перед общественной элитой. Этничность становится фактором объединения людей для получения определенных выгод в борьбе за власть или распределении ресурсов. Этничность

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996, С. 32.

² Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2005. С. 172-173.

не является объективной характеристикой и может изменяться в процессе переориентации интересов и постановки новых целей.

Теоретики конструктивистского подхода (Ф. Барт, Э. Геллнер, Б. Андерсен, Э. Хобсбаум и другие), считают этничность интеллектуальным конструктом, который возникает в определенных исторических условиях под воздействием культурных и социальных факторов. Этничность не дается от рождения, а появляется у индивида в ходе формирования собственной идентичности. Эвристический потенциал данного подхода представляется нам наиболее подходящим для анализа феномена «этнокультурной идентичности».

Основоположником работ конструктивистского толка принято считать норвежского социального антрополога Фредерика Барта. В 1969 году выходит работа «Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий», в которой Ф. Барт со своими коллегами-антропологами (Х. Эйдем, Г. Холанд, Я. П. Блум, К. Э. Кнутссон, К. Г. Иниковиц) излагает комплексное исследование взаимосвязи влияния социальных процессов на этнические границы¹.

Ф. Барт первым выделяет значимость социальных процессов как фактора изучения широкого круга исследовательских проблем, связанных с «этничностью», «этническими группами», «этническими границами» и «этнической идентичностью»². Представители данного подхода наделяют этнические группы такими характеристиками, как наличие разделяемых культурных ценностей, биологическое самовоспроизводство, функционирование единого пространства коммуникации и интеракции, и самоидентификация. Этническая граница представляется в виде совокупности маркированных различий между определенными этническими группами, которая существует и поддерживается внутри данной этнической группы, и которая признается другими контактными этническими группами. Коммуникативный процесс между

¹ Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пищилькова. М., 2006.

² Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пищилькова. М., 2006. С. 32.

представителями различных этнических групп имеет принципиальное значение, поскольку именно за счет него происходит маркирование этнических границ.

В процессе взаимодействия индивиды сталкиваются с новыми границами, но для того чтобы взаимодействие было успешным эти границы приходится нарушать. Данная дихотомия, при которой граница нарушается, но при этом продолжает признаваться, является важнейшим условием этнической динамики. Этническая группа не является закрытым самодостаточным сообществом, а этнические особенности становятся различимы в процессе социального взаимодействия с другими этническими группами. Интенсификация взаимодействий приводит индивидов к необходимости не просто согласовывать свои позиции, но и поддерживать данное согласование на протяжении длительного временного периода, то есть создавать доверие. Доверительные отношения между этническими группами являются следствием сближения культур и ведут к уменьшению различий между индивидами внутри них. Таким образом, социальные процессы являются необходимым элементом маркирования различий между этническими группами. Такими маркерами Ф. Барт считал культурные различия, которые выражаются во внешнем облике представителей этнических групп, в их образе жизни, паттернах поведения и способах коммуникации. Формирование в сознании индивида подобных маркеров есть процесс конструирования определенного образа, в который представитель одной этнической группы объединяет представителей других этнических групп.

Следующим этапом в развитии конструктивизма стали работы английского антрополога Эрнеста Геллнера, который обозначил особенную роль национализма в динамике этнических границ. Национализм Э. Геллнер определял следующим образом: «это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими, и в частности, что этнические границы внутри одного государства – вероятность, формально исключаящаяся самим принципом в его общей формулировке, – не

должны отделять правителей от основного населения»¹. Появление национализма изменило структуру социокультурного взаимодействия между представителями этнических групп, так как вместе с ним появилось национальное государство. Национальное государство создало единое пространство фиксации политических и этнических единиц внутри обозначенной территории, этническое единство управляемых и управляющих данной политической организацией. Место этнических групп в качестве основных акторов социального взаимодействия занимают нации. Э. Геллнер наделяет «этничность» биологическими (которые даны от природы) характеристиками, а конструктами, искусственно созданными человеком, считает нации. Национальные государства не связаны с развитием и эволюцией этнических групп, а понятие «национальность» не появляется с рождением. Национальность становится результатом успешной идеологической работы, проводимой политической элитой на определенной территории. Идеологии, которые транслируются на большие группы населения и завязаны на значимости этнического фактора, становятся «национализмами» при условии эффективного использования политического ресурса и удачному стечению обстоятельств².

Э. Геллнер отмечает, что с появлением национального государства изменилась модель управления социальными группами. Важнейшим фактором определения собственных экзистенциалов и жизненных установок индивида становится принадлежность к культуре, в которой данный индивид воспитывается. Появление национального государства сопровождалось процессами общественной и индивидуальной секуляризации человека, в результате которой ценностью человека стали собственные интересы, возможности и желания. Поэтому задачей национального строительства было создание определенных паттернов ценностных ориентаций, которые смогут объединять индивидуальные стремления человека с интересами всей нации.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М., 1991. С. 24

² Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 217.

Индивид воспринимает себя в окружающей действительности исходя из требований, предъявляемых к нему материальным положением, социальным статусом, работой, образованием. Национальное государство получает монополию на управление всей социокультурной инфраструктурой, в которую вовлечено подавляющее большинство населения. В условиях распространения письменной культуры, создания национальных письменных языков и роста образованности населения, политическая элита национальных государств получила инструмент массового воздействия в виде системы образования, которая призвана поддерживать общую культурно-языковую среду нации. Э. Геллнер считает систему образования основным механизмом конструирования общей системы ценностей среди населения национальных государств, целью которого, в конечном итоге, является формирование больших социальных групп – наций: «у основания современного социального строя стоит не палач, а профессор... Монополия на законное образование сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие»¹.

Следствием увеличения охвата населения национальными системами образования, в обществах активизируются этнические предприниматели, которые обычно являются наиболее образованными представителями этнических групп и выступают с определенными требованиями к политической элите от лица данной этнической группы. Данные требования могли быть вызваны желанием улучшить социальное, экономическое или политическое положение данной этнической группы в новой формирующейся общественной системе или являлись индикатором фиксации озабоченности представителей этнических групп об опасности разрушения традиционных механизмов воспроизводства этничности². Деятельность этнических предпринимателей может быть связана с ростом конфликтности внутри общества. Чаще всего это происходит, когда политическая элита ограничивает доступ к системе образования или

¹ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М., 1991. С. 87.

² Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 186.

определенному уровню власти по этническим или культурным причинам. Таким образом, Э. Геллнер развивает линию Ф. Барта о необходимости динамики этнических границ. Свободное перемещение представителей различных этнических групп внутри национального государства, культурная диффузия и этническое многообразие становятся залогом трансформации этнических групп в нации. Национализм представляется специфическим вариантом патриотизма, который в условиях становления наций является важнейшей характеристикой функционирования национальных государств. Успешное распространение и встраивание в социокультурную действительность идей национализма становится возможным, когда индивиды получают относительную свободу перемещения по вертикали социальной структуры общества. Нации являются продуктом интеллектуальной деятельности людей, но создаются на основе уже сложившихся исторических этнокультурных общностей, с помощью массового воздействия на идентичность населения через систему образования. Нации становятся носителями нового типа исторического сознания, которое начинает интерпретироваться в парадигме «осознания корпоративной идентичности, включенности в традицию»¹, приемниками историко-культурного наследия этнических групп, проживающих на территории новых национальных государств.

Британский исследователь Бенедикт Андерсон создал концепт «воображаемых сообществ» и в качестве механизма инкорпорации «этничности» и «национальности» выделил «печатный капитализм», благодаря которому были созданы печатные языки, заложившие основу формирования национального сознания².

Первым инструментом «печатного капитализма» стало создание унифицированных систем коммуникации, которые появились благодаря появлению национальных языков³. В Европе национальные языки стали

¹ Чистанов М. Н. К вопросу о возможных интерпретациях современного исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 95-96.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001.

³ Там же, С. 65.

связующим элементом между различными диалектами разговорных языков, на которых общались низшие слои общества, и латинским языком, который являлся средством коммуникации представителей высшего света. Книги, журналы газеты и прочие печатные издания, которые выходили на национальном языке, сумели объединить в единое языковое пространство все читающее население, доля которого с 16 века увеличивалась стремительными темпами. Первоначально это создало общее коммуникационное поле для индивидов, говорящих на разных диалектах одного языка, но с появлением глобальных языков, коммуникационные поля стали включать в себя миллионы носителей языка. Владение или хотя бы понимание основ грамматики и лексики определенного языка создает для его носителей мощный фундамент для формирования чувства единства, сопричастности к событиям и явлениям, которые происходят внутри данного языкового пространства. Общее языковое пространство, созданное механизмами системы массовой коммуникации, становится залогом формирования «воображаемых сообществ».

Вторым инструментом «печатного капитализма» стала разработка особых систем символических различий между высшим слоем общества и основным населением государств. Подобные системы касались многих феноменов культуры (одежда, досуг, образ жизни), но для формирования национальных сообществ важнейшим элементом, как уже было описано выше, был язык¹. Система языковых различий, которая в наиболее общем виде, представляла собой совокупность небольшого количества носителей владевших «языком власти» и большого количества носителей владевших «языком народа». Французский философ Ролан Барт назвал такие языки, созданные под контролем светской власти, «энкратическими»², тем самым выделяя их основную характеристику – существование в среде правящей элиты. Благодаря государственному ресурсу, основная часть печатной продукции выходила именно на таком языке, поэтому в

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. С. 66.

² Барт Р. Война языков. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 536.

течение небольшого промежутка времени другие языки были вытеснены из общего употребления на территории государства. Происходило становление государственного языка, который возводил определенную этническую группу (владевшую этим языком) в привилегированное положение, обеспечивал властной верхушке монополию на применение силы (через формирование корпуса законов) и, по сути, становился гарантом сохранения данной монополии в будущем.

Третьим инструментом «печатного капитализма», стало укоренение национальных языков в историю, привязка к событиям и персоналиям древности, создание когнитивной реальности, обеспечивающей сопричастность индивида с предками.¹ Любой человек испытывает нужду в подкреплении своих суждений и идей, поэтому условная «мудрость прошлых поколений» становится надежным защитным поясом для устойчивости индивидуального сознания. Язык, который транслируется через литературные произведения, мифологические сказания и традиционные представления позволяет поддерживать взаимосвязь с историей большой группе людей, формируя общую идентичность.

Британский историк Эрик Хобсбаум развивает теоретические положения своих предшественников, обращаясь к такому конструктивистскому механизму, как «изобретение традиций». Динамика развития этнических групп в исторической перспективе связана с постоянным накоплением новых предметов материальной и духовной культуры. Культура в современную эпоху становится полем для консолидации индивидов в сообщества. Появляются новые традиции, которые являются модернизированной интерпретацией использования культурного опыта прошлых поколений в целях создания символов социальной сплоченности и единства групп, легитимизации политических институтов, статусов и властных отношений, и социализации индивидов в рамках определенных систем ценностей².

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. С. 66.

² Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 49-51.

Новые символы сплоченности групп могут создаваться на основе исторических аналогов, как это было в случае возрождения Олимпийских игр в конце XIX века. Олимпийские игры в данном случае выступили как фактор поддержания национального единства (так как участники игр выступают как представители национальных государств), что не имеет никакого отношения к Олимпийским играм времен античной Греции. Примером этнической консолидации вокруг вновь воссозданных символов может служить возрождение традиционных праздников в республиках Южной Сибири, таких как «Тун пайрам» в Хакасии или «Шагаа» в Туве.

Правящая элита использует традиции для утверждения дополнительной легитимности своего пребывания у власти. Так, новый ритуал присяги президентов независимых государств Центральной Азии, во время которого глава государства традиционно (в западной традиции) держит руку на Конституции, был дополнен необходимостью другой рукой прикоснуться к Корану. Этим жестом декларируется не только светская, но и религиозная легитимность правящего режима, так как население стран исповедует ислам и воспринимает его как важную часть своей культуры. Инструментом вхождения титульных этносов в правящие круги республик Южной Сибири стало создание Советов Старейшин, которые получили возможность непосредственного взаимодействия с региональной властью для отстаивания интересов своих этнических групп.

Новые традиции помогают выстраивать систему социализации индивида в рамках определенных ценностей и норм. Массовое образование для формирования таких рамок использовало введение единых школьных учебников, которые настраивают индивидуальное сознание школьника в определенной парадигме (что особенно проявляется в таких гуманитарных школьных предметах как литература и история). Этническая культура с помощью новых традиций получает инструмент собственной трансляции будущим поколениям, что особенно важно в эпоху массовой цифровизации населения. Создание передач и сюжетов о традициях и обычаях титульных этносов республик Южной Сибири и

включение их в образовательную программу национальных классов, является настоящим подтверждением тезиса Э. Хобсбаума.

Исследование проблемы идентичности в обозначенных выше конструктивистских теориях демонстрирует наличие выраженной взаимосвязи с различными феноменами культуры, через которые индивид осознает свое место в окружающем социокультурном пространстве. Дальнейшее разработка теории конструктивизма проходила в контексте синкретической взаимосвязи с другими направлениями изучения этносов и наций. Британский исследователь М. Манн указал на значение милитаризма как важного фактора формирования идентичности и национального самосознания¹. При этом милитаристические действия могут по-разному влиять как на общество, так и индивида. Война для М. Манна является эффективным механизмом единения нации и создания сильного независимого государства. В военное время общество попадает под влияние милитаристического духа, который становится инструментом манипуляции массовым сознанием. В обществе вместо повседневных образов незримых врагов появляется реальный враг, который мобилизует этнические группы или нации на борьбу. Возникает ситуация, которую британский культуролог А. Тойнби назвал «вызовом-ответом», в результате которой реакция на агрессию дает импульс развития во всех сферах общественной жизни, способствует модернизации социокультурного пространства деятельности индивидов.

Шотландский историк Том Нейрн обращает внимание на мифотворческую составляющую в создании наций, которую он называет «романтизмом», и «популизм» как механизм понятной передачи этой мифологии от интеллигенции к народу². Миф помогает человеку обрести особое ощущение общей судьбы своего народа, вокруг которого формируется поле индивидуальных экзистенциальных переживаний. Индивид получает мотивацию для создания новых культурных образов, которые будут поддерживать этот миф в будущем, а

¹ Mann M. The Autonomous Power of the State: It's Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology. 1984. Vol. 25. P. 198.

² Нейрн Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа / Т. Нейрн; Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2007. № 1 (58). С. 24.

общество получает некоторое количество новаторов, способных к общественному развитию. Использование популистских приемов трансляции новаторских идей способствует ускорению и эффективности распространения этого процесса. В современной России феномен романтизма проявляется как возрождение этнического самосознания у представителей различных этнических групп на всей территории страны, при этом используются такие популистские технологии, как социальные сети и блоги.

Теория «перенниализма» (от англ. «perennial» - постоянный, вечный) британского антрополога Э. Д. Смита продолжает линию «историчности» этносов и наций. Этническая идентичность формируется в условиях существования уверенности индивида в укорененности своей этнической группы в историю и наличия свидетельств (материальных или духовных) социокультурного развития данной группы. Нации представляются Э. Д. Смицу «продвинутыми» в идеологическом, политическом, экономическом и культурном плане версиями этнических групп, поэтому национальная идентичность становится следующей ступенью развития этнической идентичности. Важным замечанием исследователя является тот факт, что и нации, и этносы – это явления социальные, которым нельзя приписывать естественные характеристики. Внутри сообществ создается и поддерживается иллюзия перенниальности, так как это помогает проводить историческую взаимосвязь с сохранившимися письменными источниками, которые выступают в виде онтологических начал социального конструирования¹.

Сторонником перенниализма выступал американский социолог Джошуа Фишман, который выделил несколько онтологических оснований формирования этничности. Во-первых, это «этническое бытие», которое включает в себя ряд естественных показателей, таких как кровное родство и генеалогия, и социокультурных феноменов, которые появляются вокруг них (преемственность поколений, традиции). Формируется структура базовых оснований, которая

¹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / М., 2004. С. 293.

обеспечивает представителю этническую группу сопричастность с предками. Во-вторых, это «этническая деятельность», которая включает в себя различные поведенческие установки, воплощенные в наборе определенных повседневных действий с целью сохранения и защиты коллективной идентичности. Такие действия фиксируются в традиционных обрядах и ритуалах, фольклоре, хозяйственной деятельности, и помогают выстраивать естественный порядок жизни индивида. В-третьих, это «этнические знания», которые транслируются посредством устной передачи из поколения в поколения легенд, сказаний и традиционного мировоззрения, либо через письменные артефакты, которые позднее становятся основным каналом передачи житейской мудрости¹.

Э. Д. Смит и Д. Фишман в своих работах обозначают важность выстраивания онтологической взаимосвязи между прошлым и настоящим, которая становится ключевым фактором сохранения и развития коллективных идентичностей (этнической и национальной).

Американские исследователи У. Коннор и Д. Армстронг подходят к вопросам трактовки этнической и национальной идентичности более категорично. У. Коннор представляет этничность как иррациональную психологическую ментальность, которая имеет примордиальную сущность и естественно воспроизводится из поколения в поколение. Этническая принадлежность является основополагающей характеристикой любого индивида, а этническая идентичность является основой самоопределения для представителей любых этнических групп. Национальная идентичность проявляется в процессе осознания индивидом своей этничности. Формирование нации У. Коннор рассматривает как процесс коллективного осознания собственной этничности, развитие чувства наследственного родства с прошлыми и будущими поколениями в рамках определенной этнической группы. Базовым фактором существования наций становится бессознательная уверенность в уникальности этнической группы и

¹ Fishman J. A. The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 58.

возможности убедить в этой уникальности окружающих. Транзит этнической идентичности в национальную идентичность происходит в момент политического самоопределения, в результате которого создается национальное государство, то есть момент конструирования идентичности происходит в момент появления национальной идентичности, а этническая идентичность является примордиальным феноменом.¹ Д. Армстронг, исследуя процессы воспроизводства идентичности, делает акцент на значении «этнического исключения», под которым он понимает наличие неизменных этнокультурных оснований в картине мира определенной этнической группы. Фактор взаимопроникновения культур, который использовал Ф. Барт для характеристики динамики этнической идентичности, для Д. Армстронга представляется угрозой для функционирования этнической идентичности. Однако наличие подобной угрозы необходимо для того, чтобы в сознании индивида создавалась четкая граница между «мы» и «они», основанная на существовании образа «другого», концентрирующего в себе отличия от базисных мировоззренческих оснований определенной этнической группы².

Этническая идентичность является узловой характеристикой изменения социокультурных трансформаций в условиях меняющейся системы коммуникации, с помощью которой индивид сохраняет взаимосвязь со своими предками. Формирование этнической идентичности проходило под воздействием трех составляющих: мифологической, символической и коммуникативной. В результате формирования этнической идентичности индивид получил набор онтологических оснований, таких как «этническое бытие», «этническая деятельность» и «этнические знания», которые помогают выделять себя относительно других. Появление печатных языков и деятельность властной верхушки по формированию языковых пространств заложили фундамент появления наций. Национальная идентичность представляется общественно-

¹ Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, N.J., 1994. P. 33.

² Armstrong J. Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982. P. 26.

политическим конструктом, который базируется и поддерживается этнической идентичностью. Кризисы, возникающие внутри национальных государств, являются фактором пробуждения этнической идентичности, которая запускает процесс ностальгии по прошлому, «золотому веку», в котором жили предки.

Этническая культура является основой функционирования коллективной идентичности именно потому, что сохраняет в себе образы истории и связи времен, посредством воспроизводства и нового изобретения традиций, мифологем и символических систем, которые транслируют межпоколенческое единство и структурируют коммуникацию в складывающемся социокультурном пространстве. Этнокультурная идентичность, будучи особым психологическим, эмоциональным и социальным феноменом, становится пространством формирования представлений индивида о культурной реальности. Подобная трансляция может идти через миф, который «можно рассматривать в более масштабном контексте, а именно трактовать его как способ человеческого бытия»¹.

Описанные характеристики этнокультурной идентичности, в целом, соотносятся с определением данного понятия, сформулированным И. В. Малыгиной, для которой этнокультурная идентичность представляется как «сложный социально-психологический феномен, содержание которого составляет как осознание индивидом общности с локальной группой на основе разделяемой культуры, так и осознание группой своего единства на тех же основаниях, психологическое переживание этой общности, а также индивидуальные и коллективные формы ее манифестации»². Однако усиление комплементарности структуры идентичности личности в современную эпоху дает право расширить данную трактовку этнокультурной идентичности другими видами социальной идентичности.

¹ Сыров В. Н. В чем заключается специфика мифа? Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 4. С. 76.

² Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2005. С. 96.

Социальная идентичность представляется в виде обширного набора механизмов, которые помогают индивиду соотносить себя с группой и осознавать принадлежность к ней. Социальная идентичность формируется в процессе категоризации информации о социальной действительности, которая позволяет индивиду упорядочивать информацию об окружающем его мире. В результате категоризации происходит выделение отличий между категориями, анализ отдельных категорий и выстраивание диалектического единства между элементами внутри этих категорий. Идентификация является разновидностью категоризации, в результате которой индивид соотносит себя с окружающей социальной группой и определяет себя как ее члена. В результате такого процесса у индивида формируется социальная идентичность, которая становится необходимым компонентом обретения социальности, когда человек инкорпорируется в социум и обретает в нем собственное «Я». Социальная идентичность осознается индивидом в условиях определенного культурного контекста, в котором индивид находится. Происходит осознание мировоззренческих и ценностных установок своих родителей и предков, традиций, этнокультурного наследия и исторического развития социальной группы, в которой находится индивид. Осознание социальной идентичности помогает индивиду в дальнейшей социализации. Принадлежность к определенной группе, которая появляется у индивида, инициализирует механизм выстраивания границ между «своими» и «другими». В результате соотнесения себя с другими, индивид становится носителем коллективной идентичности, которая задает ему мировоззренческие ориентиры, паттерны поведения, эмоциональные и психологические реакции, стратегии коммуникации с «другими»¹.

Социальная идентичность является многомерным конструктом, который связывает индивида с социальными группами, в которые этот индивид включен, то есть социальная идентичность не является целостным феноменом, а

¹ Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193.

представляет собой набор различных социальных идентичностей индивида. В рамках данного исследования важное значение имеют виды социальной идентичности, связанные с этнической культурой. Ранее были описаны такие виды социальной идентичности, как национальная и этническая идентичность, которые требуют дополнительного анализа в соответствии с современными условиями их функционирования. Так национальная идентичность в современном российском дискурсе определяется как гражданская, гражданско-государственная или национально-гражданская идентичность. Большое значение для данного исследования представляют такие виды идентичности как макрорегиональная идентичность (которой для Южно-Сибирского региона выступает «сибирская» идентичность), региональная или республиканская (характерная для республик Южной Сибири) идентичность, глобальная и локальная идентичность.

Многообразие представленных вариантов идентичности создает проблемное исследовательское поле. Сознание индивида, который находится в рамках определенной этнической культуры, может содержать в себе как все перечисленные типы идентичности, так и только некоторые из них. Специфика выраженности определенного типа идентичности может создать условия гармоничного диалога между представителями различных этнических групп или выступить в роли акселератора конфликтогенности, привести к росту противоречий и обострению отношений между индивидами. Республики Южной Сибири являются полиэтничными регионами, в которых контактно проживают как крупные титульные этносы, так и многочисленные небольшие этнические группы, поэтому возникает проблема построения гармоничного этнокультурного пространства, которая, по мнению О. А. Богатовой, «заключается в интеграции различных в этническом и культурном отношении социальных групп при сохранении существующего этнокультурного многообразия и гарантий как коллективных, так и личных культурных и социальных прав»¹.

¹ Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110.

Обозначенные выше виды идентичности связаны с определенной территорией, на которой проживает социальная группа. Такая территория может включать в себя территорию всей планеты, когда мы имеем в виду глобальную идентичность, или какой-то небольшой административной единицы, когда речь идет о локальной идентичности. Территория является важным критерием формирования данного типа идентичности, но кроме этого, каждый тип идентичности имеет свои специфические характеристики.

Глобальная идентичность связана с феноменом космополитизма, который формирует модель мировоззрения, способную принимать особенности всех картин мира, существующих в мире. Глобальная идентичность выражается в образе «мирового гражданства»¹, которая максимально раздвигает рамки восприятия индивидом окружающего его социума. Носитель глобальной идентичности воспринимает себя как часть всего мира, поддерживает языковое и религиозное многообразие, разбирается в геополитической ситуации, поддерживает идеи правозащитных организаций и экологических движений.²

Гражданская идентичность сфокусирована на восприятии национального государства, в котором проживает индивид, и в современных условиях становится механизмом консолидации населения вокруг интересов государства. Высокая степень выраженности гражданской составляющей в структуре идентичности является показателем единства жителей страны, разделения ценностно-символической системы общества, которую разрабатывает политическая и духовная элита³. На складывание гражданской идентичности оказывают влияние процессы социокультурного развития общественных институтов и формирование коллективных оснований восприятия разделяемых ценностей и смыслов, которые принято называть «национальной идеей».

¹ Dower N., Williams J. Global citizenship. A critical introduction. N.Y., 2002.

² Stromquist N.P. Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education // *Interamerican Journal of Education for Democracy*. 2009. V. 2. № 1. P. 7-8.

³ Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. Сер. 12. Вып. 4. С. 282.

На индивидуальном уровне гражданская идентичность находится в тесном взаимодействии с этнической идентичностью, которая формирует у индивида чувство сопричастности с определенной этнической группой, которая может быть серьезно рассредоточена по территории страны. Этническая идентичность является важнейшей антропологической характеристикой индивида, которая способствует формированию не только мировоззренческих ориентиров, но и системы индивидуальной культуры в целом. Для В. А. Тишкова этническая идентичность представляется в виде предписанной или индивидуально выбранной характеристики группы, которая появляется вследствие приписывания определенных черт и свойств данной группе со стороны других групп¹. Ю. В. Мухлынкина определяет этническую идентичность как особую форму бытия, веками формировавшуюся систему координат, которая помогает человеку ориентироваться в пространстве своих экзистенциальных тревог и эмоциональных переживаний, где индивид «может открыть для себя ответы на ряд важнейших вопросов его жизни, в том числе и мировоззренческого характера: вопросы выбора смысла жизни, выяснение своих отношений с иным, самообретения своей целостной личности»². При этом этническая идентичность находится в тесной взаимосвязи с психикой индивида. Сознание индивида, настроившись на определенный подход к восприятию представителей окружающего общества, может неожиданно отреагировать на изменение внешнего окружения. Это может быть связано с появлением в окружающем индивида социуме человека иной этнической принадлежности, которое моментально выдает его за «другого» за счет внешних антропологических отличий. Этническая идентичность может не актуализоваться в состоянии спокойной сложившейся во времени этнокультурной ситуации, но любой кризис или конфликт является потенциальным фактором обострения этнокультурной ситуации и актуализации этнической идентичности.

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 121-123.

² Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 88.

Макрорегиональная идентичность позволяет индивиду определять свою социальность через сопричастность с жителями крупных исторически сложившихся регионов, которыми являются, например, Сибирь, Дальний Восток или Кавказ. Рассматриваемый в данном исследовании Южно-Сибирский регион в современной ситуации не претендует на статус макрорегиона, однако активная деятельность интеллектуальной элиты в создании подобного конструкта может привести к его появлению в будущем. Новосибирские исследователи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская определяют «сибирскую» идентичность через несколько основных категорий. Во-первых, это региональная привязка к месту жизни. Сибиряками считаются люди, которые родились в Сибири и проживают на ее территории много лет. Во-вторых, это культурно-историческая укорененность жителей. Сибиряками считаются коренные жители Сибири, предки которых проживали на ее территории хотя бы несколько поколений. В-третьих, это особый эмоционально-психологический склад сознания, который выражается в сибирских качествах личности («сибирское здоровье», «сибирский нрав»). В-четвертых, это принадлежность к этническим группам, традиционно проживающим на территории Сибири. При этом сибиряками в равной степени могут называть себя представители коренных малых народов Севера, как исконно проживающие в Сибири, так и инкорпорировавшиеся в регион в прошлых столетиях татары, украинцы и немцы. Наконец, еще одним немаловажным фактором функционирования и воспроизводства сибирской идентичности становится внутригосударственное противостояние между центром (Москвой) и периферией (Сибирью). Новосибирские исследователи фиксируют наличие постколониального нарратива, который основывается на существовании в сознании «сибиряка» убежденности в том, что центр использует Сибирь в качестве сырьевого придатка и территории для собственного обогащения¹.

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск, 2012. С. 76-77.

Региональная идентичность выражается в принадлежности индивида к региону своего проживания: области, республики, краю, округу. Региональная идентичность формирует особую связь индивида с его родной землей, социально-экономическими условиями жизни, этнокультурными особенностями окружающих жителей и ожиданиями нормализации политико-правового поля региона¹. Другим важным фактором актуализации региональной идентичности является особое отношение к «малой родине», которое, по мнению А. А. Алаудинова, является предикатом формирования регионального патриотизма². Если макрорегиональное единство достигается путем фиксирования различий между центром и периферией, то региональная идентичность актуализируется при наличии определенного рода конфликтов и проблем внутри региона. В своей активной форме региональная идентичность становится инструментом функционирования политики регионализма. Активное региональное сообщество получает рычаги воздействия на собственную политическую элиту и в случае благоприятных внешних и внутренних условий может изменить существующий общественно-политический порядок. Подобную ситуацию можно было наблюдать, например, в конце 2018 года в Республике Хакасия, когда население региона поддержало избрание на пост Главы региона оппозиционного кандидата. Г. С. Денисова считает функционирование региональной идентичности важным условием построения гражданского общества и общественного контроля над действием властей на всех иерархических уровнях, а регионализм определяет как «стратегию территорий, направленную на защиту собственных интересов»³.

Локальная идентичность характеризуется осознанием индивидом себя как жителя определенного населенного пункта (города, поселка, села), то есть с территориальной единицей небольшого размера. В современную эпоху с ростом урбанизации и появлением мегаполисов, подход выделения отдельного вида

¹ Ерохина Е. А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 100.

² Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9 (60). С. 137.

³ Денисова Г.С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (1). С. 83.

идентичности для жителей крупных городов видится оправданным¹. В данном исследовании локальная идентичность будет трактоваться в классической парадигме: небольшое пространство коммуникаций в пределах населенного пункта, в котором проживает индивид, позволяет ему оказать ощутимое воздействие на трансформацию окружающей среды. Актуализация локальной идентичности толкает человека к изменению социокультурного пространства конкретного населенного пункта, которое может выражаться в виде деятельности по облагораживанию территории, создания общедоступных арт-объектов или музыкальной композиции, посвященной этому населенному пункту. И.О. Вендина связывает актуализацию городской идентичности с осознанием сопричастия с событиями, происходящими в городской среде, которая «становится способом солидаризации городского сообщества в решении общих проблем совместной жизни, обустройства городской среды, экологии, охраны наследия, социальной справедливости»².

Функциональная составляющая этнокультурной идентичности трактуется современными отечественными исследователями по-разному. В. Н. Муха делает акцент на функциях этнической дифференциации и этнической интеграции. Индивидуальное сознание в ходе определения сходства или различия собственного «Я» с представителями других этнических групп, подсознательно настроено на интеграцию со «своими» и дифференциацию от «других»³. И. А. Аполлонов и И. Д. Тарба первостепенное значение придают витальному потенциалу этнокультурной идентичности, актуализация которой связывается «экзистенциальной потребностью обрести утраченное пространство подлинного существования»⁴. Для Н. И. Алиева и З. Э. Абдулаевой функциональная

¹ Барышева Ю. С., Краснопольская А. П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 109.

² Вендина И. О. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. (5). 2012. С. 30.

³ Муха В. Н. Этнокультурная идентичность в условиях диаспоры: конфессиональный, гражданский и региональный компонент // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 40.

⁴ Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 38.

составляющая этнокультурной идентичности заключается в стимулировании процессов общественной модернизации¹.

Этнокультурная идентичность может подразделяться на несколько уровней в зависимости от специфики исследовательской задачи, особенно если речь идет о полиэтничных обществах. Глобальная идентичность формируется в условиях космополитизма и демонтажа политических границ. Для изучения вопросов государственной политики, степени участия индивида в общественной жизни и гражданственности выделяется гражданская идентичность. Макрорегиональная и региональная идентичности связывает людей с совместной территорией проживания, общими региональными социально-экономическими и политическими процессами. Локальная идентичность основана на особых чувствах индивида к малой родине и сопричастности к событиям, происходящим там. Этническая идентичность часто актуализируется в случае каких-то социокультурных угроз и связана с нарастанием уровня межэтнической напряженности. В сознании индивида функционируют оппозиционные категории: «они» и «мы» – которые становятся основными маркерами в процессе формирования этнокультурной идентичности. Через данные категории актуализируются и удовлетворяются основные потребности индивида, как члена этнокультурной группы, в первую очередь, потребность в безопасности.

В динамике трансформации идентичности личности, этнический и культурный уровни выступают важнейшими регуляторами индивидуального сознания. Таким образом, этнокультурная идентичность представляется нам наиболее устойчивым типом идентичности, который позволяет индивиду эффективно функционировать в социокультурном пространстве окружающей его действительности.

¹ Алиев Н. И., Абдулаева З. Э. Этнокультурная идентичность как составляющая антропосоциальной реальности // Гуманитарий юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 129-130.

1.2. Международная миграция в этнокультурной динамике территорий

Развитие миграционных исследований в XX веке стало следствием значительного увеличения массы людей, которые совершали перемещение из одной территории в другую. Данный феномен начал изучаться с позиции разных направлений социально-гуманитарной науки, что повлияло на становление большого количества подходов к его трактовке. В научной литературе дается множество определений феномена «миграции», которые в наиболее общем виде представляют совокупность таких понятий, как «движение», «мобильность» и «подвижность» населения. Знаменитый отечественный исследователь миграционных процессов Л. Л. Рыбаковский выделяет два основополагающих подхода к трактовке понятия «миграция», которая, в свою очередь, определяется как «смесь территориального и социального движения» и как «совокупность всяких перемещений людей в пространстве (связанных со сменой места жительства на относительно продолжительный срок)»¹.

Феномен «миграции» связан с процессуальностью своего функционирования в глобальном пространстве, поэтому исследование миграции непосредственно связано с исследованием миграционного процесса.

Л. Л. Рыбаковский является автором концепции трехстадийности миграционного процесса, которая используется многими отечественными исследователями в качестве универсальной модели изучения международной миграции. Согласно Л. Л. Рыбаковскому, на первой (исходной или подготовительной) стадии миграционного процесса запускается процесс актуализации территориальной подвижности, принимается решение о миграции, определяются возможности территориального перемещения и риски связанные с переселением на новое место жизни. На второй (основной) стадии миграционного процесса происходит непосредственное территориальное перемещение индивида

¹ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории) / Л. Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ РАН. – 2003. – С. 11.

на новое место пребывания. На третьей (заключительной или завершающей) стадии миграционного процесса происходит адаптация индивида к территории прибытия и новой социокультурной среде жизнедеятельности¹.

В отечественной науке исследование международной миграции актуализируется после распада Советского Союза, в результате которого территория независимой Российской Федерации стала испытывать давление со стороны различных волн международных мигрантов. Наиболее емкое определение обозначенного феномена дает В. А. Ионцев, для которого «международная миграция населения представляет собой территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленные совокупностью экономических, политических, социально-демографических и других факторов, или с пребыванием в стране въезда, имеющем долгосрочный (более 1 года), сезонный и маятниковый характер, а также с циркулярными (или эпизодическими) поездками на работу, отдых, лечение и т.п.»².

В. М. Моисеенко выделяет четыре условия действия международного миграционного процесса. Во-первых, это смена индивидом места своего жительства, при котором происходит пересечение границ между различными административно-территориальными субъектами. Во-вторых, это продолжительность проживания на новом месте жительства. В-третьих, это наличие осознаваемой индивидом причины миграции, которой могут выступать политические конфликты, экономические кризисы или стихийные бедствия. В-четвертых, это наличие правовой базы, регулирующей отношения в области миграции³.

Т. Н. Юдина характеризует антропологическое значение миграционного процесса через взаимодействие таких факторов, как массовый характер,

¹ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001. С. 27-29.

² Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. С. 15.

³ Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М., 2004. С. 29.

устойчивость и социальное содержание¹. Массовый характер миграции объясняется количеством действий, которые необходимо предпринять индивиду для того, чтобы миграционный процесс был запущен и привел к позитивному результату. Миграция является серьезным экзистенциальным вызовом для индивида, ведь для ее успешного осуществления необходимо решать различные бытовые, социокультурные, юридические, политические, экономические, задачи. При этом данные задачи приходится решать неоднократно, так как миграционное движение происходит в несколько стадий. Фактор устойчивости характеризуется четкой причинно-следственной взаимосвязанностью миграционных процессов. Каждый отдельный мигрант, является уникальным субъектом миграционного процесса, но действия, которые ему необходимо совершить для миграции, вписываются в определенный шаблон, который образовался в результате неоднократного выполнения подобных действий предшественниками. Социальное содержание миграционного процесса определяется тем, что миграция как явление комплексное и детерминированное окружающей социокультурной реальностью часто не объясняется потребностями в изменениях отдельных индивидов, а является результатом трансформаций, которые происходят в больших и малых социальных группах.

Отправной точкой академического изучения миграции в западной традиции принято считать классическую работу Э. Г. Равенштайна «Законы миграции»², которая была опубликована во второй половине XIX века. Заслугой британского исследователя стало то, что он первым определил миграцию как процесс, в результате которого происходит постоянное или временное изменение места жительства индивида. Э. Г. Равенштайн проанализировал ситуацию движений населения в Великобритании и в Северной Америке и сформулировал одиннадцать миграционных законов, которые стали фундаментом для развития исследований по миграционной тематике.

¹ Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления / Т.Н. Юдина. – М., 2004. С.88-89.

² Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48. PP. 167-227.

Большой толчок к развитию миграционных теорий дало обращение к феномену миграции представителей социологической науки. Социологический подход к изучению миграции базировался на работах таких классиков социологии, как М. Вебер, К. Маркс, Г. Зиммель, Т. Парсонс. Труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» становится одной из первых попыток целенаправленного применения социологического подхода к изучению миграции как международного феномена¹. Исследователи использовали качественные методы социологии с целью анализа последствий адаптации мигрантов к новой социальной среде. В первой половине XX века в США формируется Чикагская школа. Фундаментальной работой, которая заложила исследовательские основания данной школы, принято считать труд Р. Парка, Э. Берджеса, Р. Макензи «Город», в котором исследователи обозначили миграционный процесс в качестве маркера определения динамики социальной мобильности городского населения².

После окончания Второй мировой войны и последующей активизацией процессов перемещения людей по политической карте мира, во второй половине XX века исследования международной миграции начинают приобретать междисциплинарный характер. Э. Ли в своей работе «Теория миграция» обращается к анализу факторов, которые влияют на миграционный процесс. По мнению исследователя, каждый потенциальный субъект миграционного процесса должен проанализировать: факторы, связанные с территорией выбытия; факторы, связанные с территорией прибытия, причем необходимо проанализировать все потенциальные территории прибытия; обстоятельства, которые могут препятствовать миграции; факторы, связанные с составом мигрантов³.

Анализ описанных факторов в негативном или позитивном ключе должен помочь индивиду принять решение о миграции. Данный анализ должен касаться как места, с которого индивид планирует уехать, так и места, в которое хочет

¹ Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. New York, 1958. 741 p.

² Park. R., Burgess E., McKenzie R. The City. Chicago, 1925. 239 p.

³ Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3(1). PP. 47-57.

переехать. Негативные факторы являются для потенциального мигранта факторами «отталкивания», позитивные факторы являются факторами «притяжения». Решение о миграции появляется у индивида, когда в месте его постоянного проживания факторы «отталкивания» начинают значительно превышать факторы «притяжения». После этого индивид начинает поиск возможного нового места жительства, с оптимальными факторами «притяжения». На этой стадии важное место в решении о возможной миграции начинает играть социокультурная составляющая бытия индивида. Этнокультурная близость с населением стран потенциального места миграции является весомым аргументом в пользу миграции. Этническая культура обладает серьезным ресурсом влияния на общественное сознание, поэтому может служить в качестве механизма инкорпорации новых членов общества, при которой происходит сближение идентичностей приезжих и местных жителей. Миграция становится эффективным инструментом трансляции культуры, который позволяет создать стабильные миграционные каналы между культурами и обеспечить их взаимодействие и развитие.

Вторая половина XX века была отмечена разрастанием системы подобных каналов по всему миру. Следствием этого стало появление теории миграционных систем, разработанной М. Критцем, Л. Лимом и Х. Злотником. В своей работе «Международные миграционные системы: глобальный подход», они отмечают необходимость создания единого подхода для изучения глобального миграционного пространства. Исследователи обратили внимание на наличие взаимосвязей в распространении сформированных и формирующихся миграционных потоков. Подобные узлы устойчивых взаимосвязей между странами, которые обеспечивают миграционное движение населения, являются миграционными системами. Выстраивание миграционных систем может быть связано с территориальными, культурно-историческими, этносоциальными, экономическими, политическими и даже технологическими факторами. Государство может одновременно принадлежать к нескольким миграционным

системам, при этом появляются страны, которые становятся точками транзита – узлами большого количества миграционных систем. Развитие системы международного транспортного сообщения значительно уменьшило важность территориально-географического фактора миграционной системы. Миграционные системы перестали базироваться на принципах территориального соседства, и попали под большую зависимость от экономических и технологических коммуникаций между государствами и крупными корпорациями¹.

Миграционные системы стали важным механизмом фиксации глобальных перемещений населения, но данная теория не смогла раскрыть сущность социокультурных трансформаций, которые происходили с группами индивидов в результате миграционного процесса. Функционирование стабильных миграционных потоков между странами создает особую экономическую и социокультурную форму организации мигрантов, которую американский социолог Д. Массей назвал «миграционной сетью»². Теория миграционных сетей направлена на выявление механизмов социокультурной динамики международного миграционного процесса, которые помогают индивиду встраиваться в социокультурное пространство территории прибытия.

Представители данного подхода характеризуют миграционную сеть в качестве своеобразной формы социокультурного капитала, который используется индивидами, чтобы уменьшить возможные риски и затраты, связанные с миграционным процессом. Миграционные сети первоначально формируются как социальные организации адаптировавшихся к новым условиям мигрантов, которые становятся ресурсными центрами для их соотечественников в поиске жилья и работы. Наличие подобной сети в пункте потенциальной миграции позволяет значительно снизить риски и финансовые затраты, связанные с переездом на новое место проживания, а потому является существенным инструментом функционирования миграционного канала. Миграционная сеть

¹ Kritz M. M., Lim L. L., Zlotnik H. International migration systems: A global approach. Oxford, 1992. PP. 263-278.

² Massey D. S. Social Structure, Household Strategies and the Cumulative Causation of Migration // Population Index. 1990. No. 56. PP. 3-26.

является узлом межличностных взаимоотношений, который позволяет мигранту осуществлять взаимодействия со своими семьями и соотечественниками, которые остались на родине. В формировании миграционной сети ключевое значение имеет первая волна миграции, так как при условии ее успешного инкорпорирования в социокультурное пространство территории прибытия, последующие мигранты получают преимущество и более комфортные условия для собственной адаптации. Миграционная сеть становится ресурсом, которым могут пользоваться потенциальные мигранты, находящиеся в данной миграционной системе. Таким образом, миграционная сеть, развивающаяся посредством новых волн миграции, становится формой социокультурного капитала¹.

Рассмотрение миграционной сети в качестве механизма создания социокультурного капитала позволило выделить лишь несколько инструментов функционирования организаций мигрантов в территориях прибытия. Д. Массей на основе собственных теорий социального капитала и миграционных сетей, теории неоклассической экономики М. П. Тодаро², новой экономической теории миграции О. Старка³, теории мировых систем С. Сассен⁴ и теории сегментированного рынка труда М. Пиоре⁵, создает синтетическую теорию миграции.⁶

Следствием укрупнения миграционных потоков становится саморазвитие миграционных систем. Увеличение количества мигрантов, принадлежащих к одному миграционному потоку, становится причиной создания миграционных сообществ особого типа. Организация сообществ такого типа напоминает организацию традиционной семьи, где каждый участник группы имеет набор

¹ Massey D. S. The social and economic origins of immigration // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1990. No. 510. PP. 60-72.

² Todaro M. P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // *Population and Development Review*. 1987. No. 13. PP. 102-114

³ Stark O. *The migration of labor*. Oxford, 1991. 406 p.

⁴ Sassen S. *The Global City*. New York, London, Tokyo. Princeton-New Jersey, 1991. 397 p.

⁵ Piore M. J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge, 1979. 229 p.

⁶ Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A, Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19 (3). PP. 431-466.

определенных статусов и функций, а главной задачей является продолжение рода. Миграционное сообщество действует по похожему сценарию: создаются максимально комфортные условия для переезда, проживания и трудовой деятельности приезжих соотечественников. Миграционные сообщества, которые успешно справляются с задачей собственного воспроизводства, объединяются в миграционные сети. Миграционная сеть образует особое социокультурное пространство, в котором появляется собственная экономическая инфраструктура и среда для коммуникации между миграционными сообществами.

Феномен международной миграции сторонниками теории синтетической миграции детерминируется глобальными экономическими взаимодействиями, следствием которых стало развитие социальных, культурных и политических интеракций на индивидуальном, групповом, государственном и глобальном уровне. Глобальная экономика выкристаллизовала проблемы неравенства между развитыми и развивающимися странами и в данном контексте решение о миграции часто принимается без учета экономического состояния территории прибытия. Кризис в экономике развитого государства не является для мигранта отталкивающим фактором, так как экономическое положение на родине все равно хуже. Миграционное движение запускается с целью поиска комфортных и экономически безопасных условий жизни, поэтому ситуация на рынке труда территории прибытия не является для мигранта существенным фактором в принятии своего решения о миграции. Следствием миграции становится поиск места трудоустройства индивида, поэтому мигрант обычно занимает экономическую нишу, которая оказалась свободна. Формирование экономических ниш для мигрантов детерминировано социокультурными особенностями принимающих сообществ, поэтому обычно в результате первых волн миграции происходит идентификация свободных экономических ниш и последующее их использование следующими волнами миграции. Дополнительные экономические ниши могут появиться в результате экономических кризисов или значительных инфраструктурных изменений в территориях прибытия. Миграционная стратегия

индивида может быть связана с временным переездом в новую территорию, что обычно свойственно трудовым мигрантам, или сменой места жительства на постоянной основе, которая часто случается в результате критических ситуаций в территории исхода (война, межэтнические конфликты, политические гонения). Временный мигрант может поменять свою стратегию, так как каждая совершенная поездка приводит к увеличению объема коммуникаций с представителями принимающего сообщества и делает социокультурную среду более близкой¹.

Миграция из одной территории в другую создает стабильный миграционный поток. Миграционный поток, который эффективно функционирует на протяжении нескольких волн миграции, стимулирует появление миграционных сообществ. Миграционные сообщества, функционируя в общем социокультурном пространстве и имея этнокультурную близость, объединяются в миграционную сеть, которая помимо переселенцев включает в себя их соотечественников и институты территорий исхода.

И. А. Литвинова обозначила такие аспекты функционирования современных миграционных сетей как институционализация миграционных сетей, влияние миграционной сети на принимающее сообщество, концентрация мигрантов в определенных трудовых нишах, поддержка предпринимательской деятельности². Институционализация миграционной сети происходит в случае количественного и качественного развития инфраструктуры миграционных сообществ. Наличие у миграционной сети большого количества агентов в общественной среде принимающей территории становится значимым аргументом в пользу принятия решения о миграции в последующие миграционные волны. Влияние, которое миграционная сеть способна оказать на принимающее сообщество, необходимо миграционной сети для своего более успешного

¹ Массей Д. На пути к всеобъемлющей модели международной миграции / Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13-15 сентября 2007 г. Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 20. 2007. С. 146-171.

² Литвинова И. А. Специфика социальных сетей мигрантов // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3. С. 66.

распространения внутри социокультурного пространства территории прибытия. Члены миграционной сети, становясь значимыми акторами общественных процессов в территории прибытия, получают набор социальных связей, которые позволяют устраивать соотечественников на новое место работы. Это имеет большое значение для успешного функционирования миграционной сети, так как мигранты обычно концентрируются в ограниченном количестве экономических ниш, которые для них оставляет принимающий социум. В случае продуктивной деятельности участников миграционной сети эта ниша может быть полностью занята мигрантами. Другой экономической задачей миграционной сети становится поддержка предпринимательской деятельности соотечественников. Данная поддержка связана с отстаиванием прав и интересов предпринимателей-соотечественников во взаимоотношения с органами власти и различными инстанциями, которые им подчиняются. Кроме того, участники миграционной сети становятся пользователями услуг и потребителями продуктов, которые предлагают предприниматели, что увеличивает совокупный доход самой сети.

Синтетическая теория миграции помогает описать концептуальные основы трудовой миграции на территорию регионов Российской Федерации. Тенденции укрупнения миграционных потоков, которые отмечаются отечественными исследователями на основе официальных данных, свидетельствуют о более развитой экономической ситуации в Российской Федерации по сравнению с соседними государствами постсоветского пространства, которые являются основными поставщиками мигрантов¹. Увеличение численности трудовых мигрантов, въезжающих на территорию российских регионов, свидетельствует о наличии спроса на недостающие трудовые ресурсы. Интеграционные процессы между Россией и странами постсоветского пространства – поставщиками мигрантов на российский рынок, позволяют обеспечивать равновесное состояние спроса и предложения трудовых ресурсов. По мере инкорпорирования трудовых

¹ Metev S.E. Labor Migration in Russia as the Reflection of Macroeconomics Trend // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. No. 10. PP. 709-712.; Винокуров В.Ю., Цукарев Т.В. Экономика ЕАЭС: повестка дня // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 4 (29). С. 7-21.

мигрантов в социокультурное пространство российских регионов, все большее количество приезжих начинают менять свою стратегию пребывания с временной на постоянную. Внутри российских регионов происходит образование отдельных миграционных инфраструктур, на которых базируется функционирование миграционных сетей. Институционализация миграционных сетей в территориальном пространстве регионов России происходит за счет создания и деятельности диаспор и общественных организаций. Подобная миграционная сеть превращается в инструмент давления на региональный социум, так как в результате институционализации в региональном пространстве она получает возможность навязывания своих собственных интересов и потребностей¹. Примером функционирования подобной миграционной сети является кыргызское сообщество в Южной Сибири, которое в период с начала 1990-х годов до современного времени смогло консолидировать локальные миграционные сообщества, существовавшие на территории регионов еще с советского времени. Это позволило данной миграционной сети создать условия стабильной работы миграционных каналов и во втором десятилетии XXI века превратиться в самый крупный миграционный тренд в Южной Сибири.²

В результате активизации социокультурных взаимодействий, происходящих между представителями принимающего сообщества и приезжими мигрантами, образуются особые контактные зоны. Контактные зоны являются пространством повышенной коммуникативной активности, поэтому могут стать очагами этнокультурной напряженности между местным и приезжим населением, в случае несогласованности мировоззренческих и деятельностных паттернов поведения. При этом именно контактные зоны становятся нишами для организации совместных проектов представителей разных этнических групп, что может выступить в роли инструмента модернизации региональных полиэтничных сообществ.

¹ Ерохин Н.А. Демографическая безопасность государства: концепт и предметное поле // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 367.

² Евдокимов А.И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3 (59). С. 218.

Динамика межэтнических отношений на современном этапе отмечается влиянием двух противоположных процессов: глобализации и фрагментации. Глобализация – это процесс снятия границ и взаимопроникновения культур, который делает мир открытым и понятным каждому индивиду. Глобализация дает возможность человеку свободно перемещаться по политической карте мира, выбирать место и пространство для жизни, предоставляет возможность самореализации в независимости от национальной, этнической, гендерной и социальной принадлежности. Основным каналом трансляции глобализационной идеологии стали средства массовой коммуникации, которые предоставили человеку возможность пользоваться массивами различной информации и формировать социальные связи и отношения с людьми из других частей света. По мнению канадского философа М. Маклюэна¹, в результате интенсификации подобных процессов мир стал подобен «глобальной деревне», в которой индивид становится сопричастным к различным событиям, происходящим на планете. Активная деятельность средств массовой информации создает иллюзию прозрачности социально-политической жизни общества, которое стремится к интеграции и мультикультурализму.

Реакцией на развитие глобализационной парадигмы, распространению унифицированных по западной модели феноменов западной культуры стало появление концепции «фрагментации». Преимущества глобального открытого мира стали очевидны далеко не для всей его части, поэтому во многих обществах был выбран путь развития своеобразия и обособления собственных социально-политических и этнокультурных ценностей и норм. Результатом этого стала активизация процессов национального строительства (парад суверенитетов), в том числе путем ирредентизма (к которому активно стремятся курды); получают поддержку программы по развитию этнической культуры, например, через активное использование практик неотрадиционализма (республики Южной Сибири в Российской Федерации); прделывается работа по сохранению языков

¹ McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.

малых и коренных народов (создание «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО, проведение мероприятий в рамках Международного года языков коренных народов ООН в 2019 году); наблюдаются процессы религиозной радикализации (исламский экстремизм в России¹); набирают популярность политические движения и партии, использующие нестандартные политические технологии и идеологические принципы (партии «пиратов» и «зеленых»). Появление новых политических, социальных и культурных феноменов создает новые границы, которые фрагментируют общество.

Миграция является следствием обозначенных процессов и в современной ситуации становится заметным фактором влияния на межэтнические, межрелигиозные и межкультурные отношения внутри сообществ. В результате миграционных процессов происходят активные перемещения людей по политической карте мира. Эти перемещения сопровождаются транзитом социокультурных установок, которые мигранты переносят в новое место жизни.

Пользуясь терминологией американского историка Ф.Д. Тернера, который является основоположником концепции «фронтира», современные отечественные исследователи характеризуют наличие этнокультурных контактных зон между представителями различных этнических групп и религиозных организаций в качестве «фронтиров» систем будущих коммуникаций².

В 1990-е годы появляется концепция транснациональной миграции, или транснациональная теория, которая разрабатывается такими исследователями как Н. Глик Шиллер, Л. Баш и К. Блан-Зантон. Транснациональная теория актуализирует исследование миграционных процессов в связи с сущностными изменениями, которые в них произошли в связи с трансформацией глобальной политической системы. Миграция в современном мире достигла такого уровня

¹ Излученко Т. В. Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 174-175.

² Левяш И. Я. Открытое общество: от границы к фронтиру // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 69-80; Семенов И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91-102.

распространения, что привычные типологизации мигрантов потеряли всякий смысл. Миграционные сети охватили большую часть мира и дальнейшее развитие миграционных сетей стало связано с перестройкой внутренней структуры и межсетевым взаимодействием. Решение о миграции для индивида больше не имеет личностного характера и не становится экзистенциальным вызовом окружающей действительности. Стремительно возрастает число временных мигрантов, которые в любой момент могут вернуться на родину без особого ущерба для своего «Я». Появляется феномен «двойной жизни» мигранта, который заключается в том, что индивидуальное сознание воспринимает одинаково важным как социокультурное пространство территории, куда была совершена миграция, так и своей родины. Наблюдается бурный рост различного рода неформальных миграционных сетей, которые рушат сложившиеся шаблоны миграционного движения, и создают новые пространства деятельности и коммуникации, которые плохо контролируются органами государственного надзора¹.

Теоретиками концепции транснациональной миграции выделяется ряд особенностей, которые оказывают влияние на динамику полиэтничных региональных сообществ. Во-первых, это изменение факторов формирования миграционных потоков. В современной ситуации миграционные потоки становятся зависимыми от глобальных контекстов и трансформации пространства международных отношений. Таким контекстом послужил распад Советского Союза, в результате которого появилось новое крупное пространство миграций. Во-вторых, это создание особых миграционных сетей, которые являются обособленными социокультурными пространствами, перемещение по которым отражается в индивидуальном сознании мигранта. В результате многочисленных территориальных перемещений индивид становится сопричастен с различными культурами и социальными группами, которые изменяют его мышление и

¹ Glick Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered // Annals of the New York Academy of Science. 1992. Vol. 645.

мировоззрение. В-третьих, особое значение принимают индивидуальные практики и деятельность мигранта в пространстве повседневности территории прибытия. Популярность концепции мультикультурализма и ценность индивидуализма в западном мире дали возможность мигрантами, которые обычно являются носителями традиционных коллективистских культур, инкорпорироваться в принимающий социум без помощи миграционных сетей. В-четвертых, международные мигранты сталкиваются с проблемой дрейфа идентичности, который наступает вследствие активного включения мигранта в социокультурную среду территории прибытия и усвоения новых культурных традиций и практик¹.

Важным понятием концепции транснациональной миграции является понятие «транснационализма», под которым понимается социокультурный процесс, в ходе которого индивид пересекает территориальные, культурные, государственные границы, и, попадая в новое социокультурное пространство, начинает создавать новую систему общественных отношений, одновременно поддерживая функционирование прошлой системы отношений². Транснационализм создает новый тип мигрантов, которые становятся «трансмигрантами». Трансмигранты физически находясь в одном территориальном сообществе, ментально чувствуют себя связанными с большим количеством территориальных сообществ. Это и создает проблему дрейфа идентичности, так как трансмигранту приходится держать в своем сознании несколько пространств отношений со своими уникальными социальными, экономическими, культурными, политическими и правовыми характеристиками. В современном мире к категории трансмигрантов можно отнести международных трудовых мигрантов, которые находятся в постоянном маятниковом движении между территорией своего трудоустройства и территорией постоянного проживания. Теория транснациональной миграции декларирует важный принцип,

¹ Glick Schiller, N. Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience. New York, 1999. P. 20-22.

² Там же, P.30-31.

который непосредственно связан с предметом данного исследования: совершая миграционное движение, индивид попадает в социокультурное пространство, которое трансформирует его идентичность, но при этом продолжает поддерживать этнокультурные связи с родиной. В результате появляется вероятность возникновения у мигранта кризиса самоидентификации, который может стать причиной межэтнического конфликта в территории прибытия.

Современные исследования уточняют понятие «транснационализма» через сужение сферы его функционирования. Выделяется «узкий» и «широкий» транснационализм. «Узкий» транснационализм связан с какой-то конкретной деятельностью мигранта, которая лежит в основе его миграционного перемещения, например, получение образования или трудоустройство. «Широкий» транснационализм связан с функционированием миграционных сетей и поддерживает наличие потенциальной возможности для миграции. Другой типологизацией выступает разделение транснационализма на «основной» и «расширенный». «Основной» транснационализм является моделью миграции, в которой миграция для индивида является, по сути, образом жизни, что дает возможность контролируемого анализа миграционной ситуации. «Расширенный» транснационализм связан с нерегулярными перемещениями индивидов, которые потенциально могут произойти в случае ситуации вынужденной миграции, поэтому данная модель используется для формирования форсайтов в миграционных исследованиях¹.

В качестве основной характеристики идентичности личности сторонники концепции транснациональной миграции используют понятие «мультилокальность». Если локальность является свойством сознания индивида, которое помогает ему ощущать чувство единства с какой-то конкретной территорией, то «мультилокальность» позволяет поддерживать подобное чувство с несколькими и даже многими территориями, представляющими некоторую

¹ Кочеткова Л. Ю. Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия // Географический вестник. 2013. № 2 (25). С. 24-28.

важность для индивида¹. В своем конечном варианте, осознание мультилокальности приводит к формированию у индивида глобальной идентичности, восприятие себя «человеком мира». Процесс перехода индивида от локальности к мультилокальности, который происходит в современности, благодаря развитию транспортных систем, электронных средств связи и информационных технологий, обозначается в данной концепции понятием «транслокальность». В контексте изучения международной миграции, транслокальность становится важной характеристикой сознания мигранта, так как приводит к трансформации повседневных практик индивидов, которые попадают в новое социокультурное пространство и начинают вступать в различные коммуникации с его участниками. При этом мигрант в начальной стадии миграционного процесса фокусирует свою локальность на территории исхода, поэтому новый социокультурный опыт мигрант активно транслирует своему окружению (родственникам, друзьям), оставшемуся на родине. Система подобных взаимосвязей формирует транснациональное социокультурное пространство, в которое входят представители всех территорий, где прибывал мигрант, и с которыми он продолжает поддерживать отношения².

Л. В. Сажина выделяет такие способы пребывания международного мигранта в пространстве территории прибытия, как «укоренение», «дистанцирование», «транснациональный диалог осторожного включения» и «техника самоотражения»³. При «укоренении» происходит инкорпорирование мигранта в социокультурное пространство территории прибытия, при котором происходит изменение его культурной парадигмы. Этническая культура, к которой ранее принадлежал мигрант, перестает иметь первостепенное значение. Мигрант принимает установки социокультурного пространства территории прибытия и начинает воспринимать себя в качестве носителя новой локальности.

¹ Appadurai, A. The Production of Locality // Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge. 1995. PP. 210-211.

² Levitt P., Glick-Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on // International Migration Review. 2004. №38 (3). P. 1002-1039.

³ Сажина Л. В. Особенности современной транснациональной миграции (теоретические подходы к анализу) // Философия права. 2007. № 4. С. 143.

«Дистанцирование» связано с ограждением мигранта от традиционных норм, паттернов поведения и практик, сложившихся в социокультурной среде в территории пребывания. Мигрант не испытывает потребности в принятии новой локальности, поэтому может изолироваться от социокультурной среды своего нового существования, либо продолжить миграционное перемещение в территорию, которая окажется для него более подходящей. «Транснациональный диалог осторожного включения» является практикой адаптации мигранта к новой социокультурной среде, которая характеризуется взаимными уступками и транзитом культурных установок, как со стороны мигранта, так и представителей принимающего сообщества. Происходит взаимообогащение культур, в результате которого принимающий социум получает ресурс для своей модернизации, а мигрант – новые возможности для создания комфортных условий пребывания на новом месте жительства и основу для создания социокультурного капитала. «Техника самоотражения» является способом существования мигранта в чужом социокультурном пространстве, к которому мигрант по некоторым причинам не способен адаптироваться. Мигрант включен в пространство коммуникации в территории своего нового пребывания, но при этом продолжает образ жизни, сформированный его этнической культурой. Согласимся с П. П. Лисицыным и А. В. Резаевым, что у мигрантов «при адаптации на новой территории возникает альтернатива выбора между успешностью трудовой интеграции и сохранением этнокультурной идентичности»¹. На данную альтернативу оказывают влияние социальные риски, которые сопровождают адаптацию мигрантов к новым условиям. Чем уровень рисков ниже, тем вероятнее использование мигрантами сценариев «укоренения» и «транснационального диалога осторожного включения». С возрастанием уровня социальных рисков увеличивается вероятность использования «техники самоотражения» и «дистанцирования».

¹ Лисицын П. П., Резаев А. В. Теоретико-методологические основания социального анализа процессов трудовой миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 4. С. 126.

Транслокальность мигранта становится важным фактором межкультурного диалога, так как помогает взаимообогащать культуры, к которым оказывается причастен мигрант в ходе своего территориального перемещения. Проблемная ситуация возникает, когда динамика социокультурного пространства анализируется с точки зрения коллективного сознания. Увеличение миграционного потока из одной конкретной территории в другую конкретную территорию приводит к ситуации, когда индивид на новом месте пребывания перестает сталкиваться с «другой» локальностью. Мигрант попадает в коллектив соотечественников, которые давно адаптировались к социокультурным условиям новой среды существования, поэтому перестает контактировать с представителями принимающего сообщества. В результате, повседневные практики не изменяются, и мигранты продолжают вести тот образ жизни, который сложился ранее. Подобный коллектив нельзя назвать сознательно дистанцировавшимся от социума территории прибытия, но принимающее сообщество воспринимает его именно так. Результатом этого становится появление негативных стереотипов по отношению к мигрантам, которые являются конфликтогенным фактором межэтнической ситуации в территории прибытия.

Исследования межэтнических отношений в полиэтничных регионах России свидетельствуют о том, что сложившаяся социокультурная среда обладает признаками транслокальности. Ю. М. Аксютин, анализируя результаты социологического исследования в Республике Алтай, Республике Тыва и Республики Хакасия, приходит к выводу «в пользу гипотезы складывания устойчивого «толерантного симбиоза» ценностей и ориентаций гетерогенных этнических групп вследствие длительного исторического взаимодействия»¹. С. Г. Дудик также обращает внимание на то, что в Республике Алтай сложились доверительные отношения между тремя крупнейшими этническими группами

¹ Аксютин Ю. М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1-2. С. 103.

региона (алтайцами, казахами, русскими), а «настороженность у местного населения наблюдается к сезонным рабочим из Средней Азии»¹. В результате активного взаимодействия трансмигрантов с местным населением территорий прибытия и активизация их включения в общественно-политические процессы, создаются новые социокультурные пространства отношений. В таких пространствах наблюдается интенсификация межэтнических контактов, выстраивание межкультурного диалога, взаимообмен ценностными установками и мировоззренческими ориентирами, но при этом появляется рост социальной энтропии и кризисный потенциал деформации идентичности всех индивидов, имеющих отношение к данному пространству. Подобные угрозы являются необходимым условием общественного развития, так как процесс их преодоления позволяет сообществу синтезировать набор новых социокультурных установок, принимать новые вызовы глобального мира, тем самым становиться частью мировой культуры.

Обозначенные выше теоретические концепции исследования международной миграции находят свое отражение в этносоциологическом подходе к миграции, разработанном отечественными исследователями Ю. В. Арутюняном и Л. М. Дробижевой². В основе этносоциологического подхода находится идея представления этнической культуры как коллективного способа приспособления к социокультурной среде. Этническая культура, к которой принадлежат мигранты, оказывает большое влияние на сознание индивида, детерминируя его традиционными представлениями об окружающей действительности свойственными данной этнической группе. Локальная культура территории прибытия мигрантов становится контактной зоной, в которой происходят культурные взаимодействия мигрантов и представителей

¹ Дудик С. Г. Перспективы этнокультурного взаимодействия в полиэтничной среде Республики Алтай // Алтай-Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. 2016. С. 222.

² Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003; Дробижева Л. М. Этничность в современном мире: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник института социологии. 2010. №1. С. 430-442.

принимающего сообщества. Близость культур является позитивным фактором инкорпорирования мигранта в социокультурное пространство территории прибытия. Локальная культура может быть сложена из нескольких этнических культур, что свойственно полиэтничным сообществам. Адаптация мигранта к социокультурной среде пространства подобного типа связана с дополнительными трудностями, вызванными согласованием сразу нескольких картин мира. Этническая культура выступает для мигранта способом сохранения своей этнокультурной идентичности в условиях нового пространства жизни. Миграционное движение оказывается связано с трансформацией сознания индивида, в результате которого идентичность может измениться. Миграция оказывает определенное влияние на принимающий социум, особенно когда ее размеры становятся значительными. В результате, в локальной культуре территории может появиться новый элемент, представленный этнической культурой мигрантов. Данный элемент может гармонично встроиться в сложившуюся локальную культуру, а может привести к ее кризису.

Взаимодействия между мигрантами и местными жителями зависят от того, каким образом происходит маркирование различий в сознании индивидов. Стоит согласиться с Е. А. Ерохиной, которая связала восприятие внешней миграции принимающим социумом с такими положительными последствиями, как расширение социокультурного многообразия в транслокальных пространствах и решением проблем недостатка трудовых ресурсов. Основной отрицательной чертой внешней миграции является ее восприятие принимающим социумом как катализатора обострения межэтнических и межрелигиозных отношений¹. С. Г. Дюкин и И. В. Самойлова обозначают в качестве ключевой характеристики двойственность подобного восприятия, с одной стороны, приезжие мигранты и местные жители воспринимают друг друга как «отчуждаемую противоположность, исключенного Другого», а с другой – «людей, живущих

¹ Ерохина Е. А. «Местные» и «приезжие»: этническая граница и межэтническое взаимодействие в современном российском мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 73.

рядом, а подчас тех, с кем мы вынуждены вместе работать или жить по соседству»¹. Подобная дихотомичность восприятия свидетельствует о влиянии эмоционально-психологических факторов на межэтнические отношения. Сознание индивида не в состоянии произвести взвешенную рациональную оценку состояния взаимоотношений между приезжими мигрантами и местными жителями, следствием чего являются необдуманные эмоциональные высказывания, способные повисить градус и без того напряженных отношений. Рост миграционных потоков увеличивает уровень психологического давления на население территорий прибытия мигрантов и приводит к росту мигрантофобских настроений в обществе.

Международная миграция в современной ситуации все чаще начинает оказывать заметное давление на социум в территориях своего прибытия. В связи с тем, что в Российской Федерации не выработано единого подхода в реализации миграционной политики, региональные власти вынуждены самостоятельно реагировать на появляющиеся и исчезающие миграционные тренды. Региональным властям в целях гармонизации межэтнических отношений в полиэтничном региональном пространстве «следует с особой осторожностью относиться к национальным, этническим, культурным факторам»². Для этого нужно включать в обсуждение миграционной повестки дня участников, представляющих интересы всех заинтересованных сторон: гражданских активистов, диаспор, общественных организаций, средства массовой информации, органов власти.

Международная миграция в современной ситуации занимает важное место в этнокультурной динамике территорий, в которых наблюдается построение особого социокультурного контактного поля отношений между приезжими мигрантами и местными жителями. В таком культурном поле происходит актуализация этнического самосознания, вследствие маркирования культурных

¹ Дюкин С. Г., Самойлова И. В. Миграция в свете проблемы Другого // Научный альманах. 2016. № 7–2 (21). С. 181.

² Моджина Н. В. Миграция населения: компаративный анализ концептуальных подходов // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 4 (18). С. 74.

различий в образе жизни и деятельности представителей различных этнических. Мигранты, которые стали объектом подобного маркирования, имеют различные стратегии взаимодействия с локальным сообществом территория прибытия (укоренение, дистанцирование, транснациональный диалог осторожного включения или самоотражение). Выбранная стратегия может послужить фактором модернизации социокультурного пространства территории прибытия, а может превратиться в механизм давления, нарушающий межэтническую гармонию и приводящий к дисбалансу структуры этнокультурной идентичности.

Подводя итоги первой главы «Теоретико-методологические основания анализа этнокультурной идентичности в условиях внешнего миграционного давления», стоит отметить, что феномены этнокультурной идентичности и международной миграции находятся в диалектической связи. Этнокультурная идентичность, будучи важным структурным элементом сознания индивида, трансформируется под воздействием отношений с «другими». Международные миграционные процессы способствуют актуализации этнокультурной идентичности как у жителей территорий прибытия мигрантов, которые получают опыт взаимодействия с «другими», так и у мигрантов, которые обретают мульти и транслокальность.

ГЛАВА 2. Трансформация идентичности жителей республик Южной Сибири в условиях внешнего миграционного давления на современном этапе

В данной главе выделяются характерные черты функционирования этнокультурной идентичности жителей республик Южно-Сибирского региона и ее трансформации в условиях внешнего миграционного давления со стороны трудовых мигрантов из-за рубежа. Этнокультурная специфика исследуемого региона связана с историко-культурными, географическими и экономическими особенностями развития Южной Сибири, в результате которого сформировалась уникальная структура этнокультурной идентичности. На современном этапе наблюдается рост внешнего миграционного давления со стороны, в первую очередь, мигрантов из государств Центральной Азии, что приводит к динамике социокультурного пространства Южно-Сибирского региона.

2.1. Особенности этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири

Британский социолог Зигмунт Бауман, размышляя о процессах дрейфа идентичности, использовал конструкт «супермаркета идентичностей», акцентируя внимание на том, что современному человеку достаточно просто выбрать себе новую идентичность из огромного количества вариантов, которые предлагает рынок¹. Новый уровень общественной динамики, снижение барьеров в перемещении людей через физические и виртуальные пространства, мобильность доступа к открытой глобальной информационной среде, тотальный рост массовой культуры и массового потребления привели к значительным трансформациям повседневных поведенческих практик людей в развитых и развивающихся странах мира. Итогом подобных трансформаций стал социокультурный

¹ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 92.

релятивизм, флуктуация основ общественно-правового порядка и кризис общечеловеческих и индивидуальных ценностей.

Этнокультурное пространство Южной Сибири, сформированное в границах Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия, мы будем рассматривать как вид социокультурного пространства, которое, по мнению В. С. Морозовой, «является средой, конструируемой человеком... Органическую целостность данному пространству придает наличие у него определенного образа, определяющегося мировосприятием населения»¹. Единство пространственного образа в современном представлении населения региона базируется на ряде историко-культурных, социально-экономических и территориально-географических оснований.

Важнейшим историческим основанием, которое в современности формирует региональную общность, является Великий шелковый путь, одно из направлений которого, когда-то проходило по территории исследуемых республик. Разработка концепции построения «Нового шелкового пути», которая получила развитие в последние годы, направлена создание инфраструктурных объектов, которые смогут обеспечить дополнительный поток туристов в республики региона². Русская колонизация этнических групп, которые проживали на территории региона в прошлом, является фактором сближения титульных этносов в связи с популярностью теории постколониализма в современном общественном дискурсе. Наконец еще одним историческим основанием становится нарратив, который задается трудовыми мигрантами из Республики Кыргызстан, приезжающими на заработки в республики Южной Сибири. В середине 1990-х годов в кыргызской среде распространяется идея об исторических связях предков современных кыргызов с енисейскими кыргызами, когда-то проживавшими на территории Южной Сибири, что привело к активизации

¹ Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. ... д-р. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 70.

² Чистанов М. Н., Чистанова С. С., Маслова Т., Кудряшов И. С. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 165-166.

миграционного движения кыргызов в республики региона.¹ Ведущие историки Кыргызстана попытались остановить распространение этой мифологемы: «кыргызская народность на Тянь-Шане сложилась на базе автохтонных племен и племенных объединений, которые ассимилировались племенами центральноазиатского и южно-сибирского происхождения»². Несмотря на это, в среде приезжих кыргызов продолжают появляться личности, транслирующие данную мифологему в социокультурную среду принимающего сообщества. Общественная полемика по поводу исторического развития титульных этнических групп республик Южной Сибири приводит к консолидации регионального социума.

Этнокультурное единство Южно-Сибирского региона основывается на близости этнической культуры алтайского, тувинского и хакасского этносов – титульных этносов республик Южной Сибири. Несмотря на то, что каждый из этносов формировался из нескольких социокультурных компонентов (племен, родов), создание мифа об общем происхождении являлось важным этапом консолидации каждого титульного этноса, так как вследствие его появления происходила концептуализация культурной памяти³. Сами этнические группы в современности воспринимаются исследователями как явления, обладающие значительной степенью внутренней социальной дифференциации, и обретающих единство, особенно, в случае с тувинским и хакасским этносом, через культуру⁴. Алтайский этнос на данном историческом этапе продолжает находиться в стадии обретения своей целостности⁵. Особенностью современного состояния Южно-

¹ Жоошбекова А. Р. Миграционные процессы в среде кыргызов (на материалах этносоциологических исследований юга Кыргызстана). Бишкек, 2012. С. 22.

² Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. История отечества: краткий курс лекций по истории Кыргызстана. Бишкек, 2002. С. 69.

³ Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2005. С. 163-164.

⁴ Ламажаа Ч. К. О. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 2; Анжиганова Л. В. Национальный миф в этническом пространстве хакасов // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Серия «Котожековские чтения». Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. 2001. С. 88-94.

⁵ Дудик С. Г. Перспективы этнокультурного взаимодействия в полиэтничной среде Республики Алтай // Алтай-Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным

Сибирского региона является специфика этнического состава населения. В республиках Южной Сибири проживают представители 4 крупных этнических групп, причем в каждой из республик доля русского и национального компонентов отличается. Так согласно Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Хакасия проживает 81,7 % русских и 12,1 % хакасов, в Республике Алтай – 56,6 % русских и 33,9 % алтайцев, в Республике Тыва – 16,05 % русских и 80,96 % тувинцев.

Территориально-географическое единство определяется соседством административных границ, схожестью природно-климатических условий и ландшафта, который выделяется горной системой Саяно-Алтая, что является причиной употребления в научных работах синонимичного «Южно-Сибирскому региону» термина «Саяно-Алтайский регион»¹. Республики региона находятся в похожих экономических условиях, являются дотационными регионами с достаточно низким уровнем жизни основной части населения, это создает в сознании жителей республик Южной Сибири общий вариант рефлексии по поводу социально-экономических процессов, происходящих в окружающей реальности. Социокультурное пространство Южно-Сибирского региона становится «интегратором этнически разнородных элементов»², которое воплощает в себе модель мультикультурного единства территорий.

Парадигма развития глобального мира делает современного человека субъектом постоянно усложняющегося узла неоднородных коммуникаций. Социокультурное пространство территорий, в котором происходят эти коммуникации, формирует индивида, как носителя различных культур, традиций, ценностей и смыслов, которые актуализируют процесс самоидентификации. Самоидентификация представляется нам динамическим процессом, который может изменять направления своего развития в зависимости от внешних стимулов

участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. 2016. С. 220-226.

¹ Евдокимов А. И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3 (59). С. 215-223.

² Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. №2. С. 64.

или внутренних потребностей, а социальное взаимодействие является фактором, который определяет природу этих изменений. Индивид обретает собственное «Я» в интеракциях с другими членами социокультурного пространства, в котором он находится, поэтому, чем более монолитным является данное пространство, тем более понятным является окружающий «символический универсум», тем проще происходит процесс самоидентификации¹. Однородность общества может достигаться за счет традиционной культуры, которая выступает в качестве предохранительного пояса от разнообразных внешних влияний. Глобализация, которая в современной ситуации оказывает воздействие на подавляющее большинство развитых и развивающихся обществ, с одной стороны, обеспечивает возможность формирования глобальной культуры, которая базируется на социокультурных основаниях западной цивилизации, с другой стороны, создает условия для собственного развития локальным культурам. Современный индивид, попадая в подобное пространство коммуникаций, подвергается социокультурной диффузии, результатом которой становится затруднение процесса собственной идентификации. Отечественный исследователь В.Н. Волков обращает внимание, что в ходе подобного рода процессов человеку стало труднее находить устойчивые группы и сообщества, с которыми можно было бы идентифицировать себя, и большим экзистенциальным вызовом для индивида стал поиск своего места в мире².

Энтони Гидденс подтверждает тенденцию усложнения процесса самоидентификации, которая, по его мнению, появляется в результате уменьшения значения социокультурных детерминант в современном обществе. Такими детерминантами выступают этнокультурные особенности, которые формировались в процессе исторического развития этнических групп, которые обретали свои традиции и обычаи, поддерживали устойчивое состояние социальных ролей и статусов. Ослабление роли традиционных ценностей, к

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 157-158.

² Волков В. Н. Проблема идентичности в современном мире // Педагогическое образование и наука. 2013. № 6. С. 93-94.

которому привело распространение модернистских взглядов, и появление открытого массового рынка индивидуальных прав и свобод заставляет человека «гораздо активнее, чем раньше, создавать и воспроизводить собственную идентичность»¹. Кристаллизация структуры ценностной самоидентификации индивида формируется в условиях нарастания проблем осознания собственного «Я», вызванных транзитом глобализационных установок, культурным универсализмом и аксиологической анархией. По мнению отечественного исследователя М. Н. Губогло именно сфера культуры становится той лакмусовой бумажкой, где обнаруживаются взаимопроникновения и взаимовлияния ценностно-символических систем различных этнических групп. Он выделяет три компонента культуры, которые наглядно демонстрируют эти тенденции: ментификаты, социофакты и артефакты². Ментификаты являются феноменами духовной культуры, а взаимовлияние ментификатов разных этнических групп обнаруживается в языке (через заимствования), фольклоре (былины, предания, сказки, притчи и мифы), искусстве (определенные исполнительские техники, стили и жанры изображения), религии (табу и запреты, категорические императивы) и других феноменах. Взаимовлияние социофактов – явлений социальной организации общества, характеризуются интерференцией основных социальных институтов (семья, образование) а также общественно-политических процессов. Наконец, артефакты – это предметы материальной культуры (экономические блага, предметы искусства и быта), которым свойственна диффузия, активизирующая межкультурное взаимодействие в различных сферах общественной жизни.

Появление и динамика этих компонентов культуры приводит к обретению этнического бытия, особенностей этнической деятельности и корпуса этнических знаний, которые определяют процесс становления этничности³. Н. П. Копцева и А. В. Кистова для характеристики подобных компонентов культуры используют

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация изменяет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.

² Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003. С. 71.

³ Fishman J. A. The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 59-60.

концепт «этнографического комплекса»¹. Этнографический комплекс представляет собой набор культурных практик, которые концентрируют историческое наследие и опыт определенной этнической группы и наиболее эффективно его воспроизводят в социокультурных реалиях.

Формирование и обновление данных компонентов в процессе исторического развития этнической культуры, образовали некоторое подобие паутины, попадая в которую с рождения индивид становится «жертвой» культурной самоидентификации. Т. Г. Грушевицкая описывает этническую культуру в виде «культурного айсберга». Верхушкой айсберга являются внешние стороны культуры. Они связаны ее материальными феноменами и поведением представителей этнических групп. Негативное восприятие внешних сторон культуры приводит к появлению этнокультурных стереотипов. Основная часть айсберга этнической культуры, которая скрыта от глаз – это сфера мировосприятия, норм, ценностей традиций и обычаев, которые определяют внутренне содержание культуры². Межэтнические взаимодействия на этапе становления этнокультурных контактов происходят на уровне верхушки айсберга, но по мере роста и укрепления межкультурного доверия, подводная часть айсберга также подвергается влиянию со стороны иной культуры. В условиях, когда влияние оказывается слишком большим, может случиться поглощение одной культуры другой, которое сопровождается эскалацией этнокультурных конфликтов в обществе. Этническая культура в данных обстоятельствах должна восприниматься в обществе не только как маркер внешних и внутренних отличий, а как средство консолидации сообщества, которое является «орудием политической борьбы за признание особых прав и получение дополнительных преференций внутри мультикультурного общества»³.

¹ Копцева Н. П., Кистова А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема // *Философия и культура*. 2015. № 1 (85). С. 16.

² Грушевицкая Т. Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 12-2 (54). С. 138.

³ Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // *Вопросы философии*. 2017. № 8. С. 30.

Дезинтеграционные общественно-политические процессы конца 1980-х – начала 1990-х гг. имели своим итогом не только исчезновение Советского Союза как государства, но привели к перестройке сознания бывших советских граждан, инициировав изменение характера межэтнических и межкультурных взаимодействий. Исчезновение общей советской идентичности в условиях отсутствия ясно сформулированной политической верхушкой альтернативы (в виде гражданской или какой-либо другой идентичности), привело к усилению этнического компонента этнокультурной идентичности, что значительно осложнило межэтническую ситуацию во многих полиэтничных регионах Российской Федерации. В публицистической и научной литературе подобное усиление этнического компонента этнокультурной идентичности описывалась в терминах «бум этничности», «этническое возрождение». Это является показателем того, что к подобным процессам укрепления позиций этничности, обладающей потенциальным конфликтогенным зарядом для эскалации этнокультурных конфликтов, в общественно-политическом дискурсе того времени придавался выраженный негативный оттенок. Такая позиция коррелировала с идеями теоретика конструктивизма Э. Геллнера, согласно которым глубинные противоречия этнокультурных идентичностей и мировоззренческих систем являются главным основанием обострения межэтнических конфликтов¹. Согласно другой точке зрения, процессы «этнического возрождения» и актуализации региональных идентичностей в России периода 1990-х – 2000-х гг. имели неклассический характер и обладали значительным потенциалом для модернизации этнической культуры. С точки зрения данной позиции, актуализация этничности представляется не конфликтогенным фактором, а функциональным противоречием мировоззренческих систем и идентичностей представителей различных этнических групп².

¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 51.

² Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация изменяет нашу жизнь. М., 2004. С. 77-78.

Произошедшие в России в 1990-е годы социальные, культурные, политические и экономические трансформации продолжают являться весьма значимыми аспектами развития современного российского общества. В каждой из республик Южной Сибири в эти годы представители титульных этнических групп столкнулись с активизацией своей этнической идентичности, в связи с разрушением советской идентичности. Этот «бум этничности» способствовал получению особого политического статуса для регионов и предоставил широкий спектр возможностей для сохранения и развития своей этнической культуры в социокультурном пространстве Российской Федерации. В середине 2000-х годов в России начался процесс формирования российской гражданской идентичности, поэтому уже получившие свои преференции этнические группы, начали изменять свои ориентиры самоидентификации.

По мнению отечественных исследователей, рост межэтнической напряженности, наблюдаемый в независимой Российской Федерации, является результатом ослабления и последующей утраты советской надэтнической идентичности¹. Результатом конструирования советской идентичности в свое время стало возникновение и функционирование общества советских людей с конфликтным самосознанием. Индивид был обязан декларировать свою приверженность принципам интернациональной общности, которая нередко носила формальный характер и проявлялась только внешне, поэтому в структуре идентичности советского общества продолжали функционировать этнические и региональные компоненты. Распад Советского Союза и сопровождающая его утрата советской идентичности несли серьезные последствия для русской части населения независимой России. В советское время этническая группа русских имела привилегированное положение в обществе, что постепенно привело к нивелированию этничности. Таким образом, в период распада советской идентичности, этническим русские попали в сложную эмоционально-

¹ Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: автореф., дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2011. С. 21.

психологическую ситуацию. Лишившись идеологической опоры собственного самосознания, этнически русские, особенно в полиэтничных регионах постсоветской России, вынуждены были обращаться к локальной, макрорегиональной (сибирской), региональной и глобальной идентичностям, а в 2000-е гг. – к начинающей свое формирование новой гражданской (российской) идентичности.

Результаты исследований 1990-х годов, посвященных выявлению особенностей этнокультурной идентичности жителей Республик Южной Сибири свидетельствует, что в целом динамика этнокультурной идентичности жителей региона проходила в соответствии с общероссийскими трендами¹. Размывание компонента советской идентичности сопровождалось значительным усилением позиций региональной идентичности, приоритет которой отмечали представители титульных этносов республик Южной Сибири, и макрорегиональной (сибирской) идентичности, которая занимала первые позиции в иерархии этнокультурной идентичности у представителей русской части населения. Невысокий уровень актуализации этнической идентичности в структуре этнокультурной идентичности жителей Южно-Сибирского региона, на наш взгляд, объясняется практиками нивелирования этничности, которые на протяжении десятилетий использовались советской властью. В 1990-е годы этничность начала актуализироваться в сознании населения не через этнический компонент структуры этнокультурной идентичности, а через региональный, что было связано с политическими процессами в постсоветской России, в частности, «парадом суверенитетов». Таким образом, в середине 1990-х годов у представителей титульных этнических групп республик Южной Сибири преобладала региональная идентичность. Высокий уровень фиксации макрорегиональной идентичности можно объяснить численным преобладанием русского населения Южно-Сибирском регионе. Доля русских в населении

¹ Тугужекова В. Н. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (к. 1980 – 1990-е годы). Абакан, 2005. 104 с.

республики Хакасия составляла 80,2 %, в Республике Алтай – 57,4 %, в Республике Тыва – 20,1 %.

В середине 2000-х гг. в структуре этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири наметились принципиальные подвижки, связанные с укреплением позиций гражданской идентичности. Так в 2007 году в структуре этнокультурной идентичности жителей Хакасии по-прежнему доминировала макрорегиональная (сибирская) идентичность, на второй позиции была гражданская идентичность, а региональная идентичность – на третьей¹. Во втором десятилетии XXI века гражданская идентичность, потеснив макрорегиональную и региональную, заняла лидирующие позиции в структуре этнокультурной идентичностей жителей региона. Анализ результатов социологических исследований, которые проводились на территории республик Южной Сибири в 2013-2016 годах, обозначил следующую иерархию структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири: гражданская, региональная, локальная, макрорегиональная, этническая, глобальная идентичности.²

Гражданская идентичность является самым устойчивым компонентом структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири на современном этапе. Актуализация гражданской идентичности разворачивалась на фоне политических реформ и масштабной идеологической работы по консолидации российской нации. Идентичность индивида формируется под воздействием множества социокультурных агентов, которые действуют через систему образования, средства массовой информации, научную и художественную литературу, религию, язык, традиции и обычаи, создавая систему исторического наследия, которую В. А. Тишков определяет как

¹ Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия – проблемы и перспективы развития / Под ред. В. Г. Ибрагимовой. Абакан, 2007. С. 15-16.

² Персидская О. А., Евдокимов А. И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 137-141; Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 (30). С. 9.

культурный капитал нации¹. Исторические знания превращаются в специфический инструмент, с помощью которого можно оказывать влияние на массовое сознание населения. И такой инструмент находится под контролем государства. Можно согласиться с Э. Хобсбаумом, который видел некоторый риск построения коллективных идентичностей на основе истории, в виде того, что история в современных условиях подвержена излишней идеологизации². Связь между идентичностью и идеологией фиксировал в своих исследованиях Э. Эриксон, который формирование идентичности считал процессом отождествления себя с окружающими, происходящим на основе социальных и культурных взаимодействий³.

Государство как основной носитель общественной идеологии заинтересовано в том, чтобы в массовом сознании актуализировались определенные представления о том «кто мы?» и «какие мы?». Гражданская идентичность выполняет важнейшие задачи государственной идеологии по «консолидации общества, приверженности к территориальной целостности, обеспечения лояльности государству, стране, сплоченности социальных фрагментов общества»⁴. Поэтому важнейшим фактором укрепления гражданской идентичности в структуре этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири стало активная идеологическая работа по формированию российской нации, «российскости» и образа «россиянина» со стороны федерального центра. Республики Южной Сибири как регионы, которые социально-экономически сильно зависели и продолжают зависеть от федеральной власти, были особенно подвержены идеологическому давлению. Государственные СМИ использовали фактор экономической слабости регионов для создания образа государства как «спасителя» республик сначала в кризисные годы, а в последствие на постоянно основе.

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 627.

² Hobsbawm E. On History. Altrincham, United Kingdom, 1998. P. 357.

³ Erikson E. H. The Problem of Ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956. No. 4. P. 56-121.

⁴ Дробижина Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 13.

С другой стороны, само общество Южно-Сибирского региона было также заинтересовано в формировании новой коллективной идентичности. Утрата советской идентичности и активизация других типов идентичности в 1990-е годы привели к обострению межэтнических конфликтов и противоречий внутри республик между титульными этносами и русскими. Гражданская идентичность, которая поддерживает принцип «единство в многообразии», является эффективным механизмом консолидации различных частей общества, помогает добиваться улучшения социально-психологического климата и способствует прогрессу и модернизации социума. Гражданский компонент этнокультурной идентичности наиболее выражен у русских и тувинцев, что является следствием их демографического преобладания в республиках Южной Сибири, а также их непосредственное участие в осуществлении региональной власти¹.

А. Г. Санина и А. В. Павлов выделяют 4 ключевые элемента, которые влияют на складывание гражданской идентичности: когнитивный, эмоционально-оценочный, нормативно ценностный и поведенческий². В условиях Южно-Сибирского региона влияние этих элементов на этнокультурную идентичность оказывалось неравномерно. Когнитивный элемент, который включает в себя знания об исторических и современных особенностях государства и его деятельности, работал в первую очередь через систему образования. Невысокий уровень правовой культуры и осведомленности жителей республик о значимых вехах в истории России, позволяет сделать вывод о том, что данный элемент формирования гражданской идентичности в современных условиях функционирует не слишком эффективно³. Подобная ситуация наблюдается с нормативно-ценностным элементом, который основывается на наличии общих

¹ Аксютин Ю. М., Тышта Е. В. Трансформация надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 16-17.

² Санина А. Г., Павлов А. В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 35.

³ Аксютин Ю. М., Евдокимов А. И. Влияние трансформаций структуры идентичностей жителей Южной Сибири в постсоветский период на межэтнические отношения // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М., 2016. С. 4188-4190.

разделяемых ценностей и норм, определяющих мотивы и алгоритмы деятельности человека как гражданина. Ценность государства и лояльность к различным властным институтам в оценках жителей Южной Сибири остаются на достаточно низком уровне¹. Наибольшую эффективность для складывания гражданской идентичности имеют эмоционально-оценочный и поведенческий элементы, которые проявляются в непосредственных действиях индивидов и их реакциях на внутри и внешнеполитические события. Особенную роль в укреплении позиций гражданской идентичности в структуре этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири сыграли «Крымская весна» и череда международных последствий присоединения Республики Крым к Российской Федерации. Можно согласиться с Л. М. Дробижевой и С. В. Рыжковой, что именно поведенческие компоненты гражданской идентичности находятся в непосредственной зависимости как от идеологического воздействия, так и от личностных интересов индивидов². Это проявляется в активном участии индивидов в различных массовых мероприятиях, общественных дискуссиях и политических компаниях в региональном пространстве.

Региональная идентичность является вторым по значимости компонентом этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири. Данный вид идентичности наиболее характерен для представителей титульных этносов республик: алтайцев, тувинцев и хакасов. Региональная идентичность, с одной стороны, может выступать в качестве связующего звена между гражданской и этнической идентичностью, так как помогает индивиду выстраивать в своем сознании линию от «Я» к государству через более близкие и понятные реалии региона, в котором проживает индивид. С другой стороны, региональная идентичность может являться некоторым противопоставлением гражданской идентичности и актуализируется в случае негативных последствий государственной политики на социокультурное поле региона. Следует

¹ Аксютин Ю. М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1-2. С. 99-106.

² Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 12.

согласиться с О. А. Богатовой, что в срединном состоянии региональная идентичность становится «следствием этнизации политических дискурсов и практик, которая представляет собой продукт согласования интересов региональной и федеральной элит»¹. Подобная ситуация наблюдается в республиках Южной Сибири, где согласование интересов происходит в условиях диалога между федеральными властями, региональными властями и представителями титульных этносов, которые политически институционализируются через Советы старейшин.

А. А. Алаудинов связывает функционирование региональной идентичности в пространстве полиэтничных регионов с такими параметрами как «уровень образования, численность жителей, близость или отдаленность от центра, доля лиц, желающих мигрировать, доля лиц, не менявших на протяжении жизни место жительства»². Социокультурная ситуация в республиках Южной Сибири характеризуется средним уровнем образования, небольшой численностью населения, отдаленностью от центра, небольшим количеством лиц, невысоким уровнем внешней миграции и средним уровнем внутренней миграции. Это создает благоприятные условия для функционирования региональной идентичности в регионе.

Следующую позицию в структуре этнокультурной идентичности жителей Южной Сибири занимают локальная и макрорегиональная идентичности. Данные компоненты этнокультурной идентичности наиболее выражены у русской части населения региона. Локальная идентичность наиболее определенно проявляется в сознании городского населения, что Ю. С. Барышева и А. П. Краснопольская связывают с высокой плотностью населения в городской среде, которая увеличивает интенсивность контактов и взаимодействий между представителями

¹ Богатова О. А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // Регионоведение. 2017. Т. 25. № 1 (98). С. 135.

² Алаудинов А. А. Региональная идентичность: концептуальные подходы к исследованию // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 9 (39). С. 84.

различных этнических групп, культур и субкультур¹. Город становится узлом коммуникаций, в котором индивид формирует свою идентичность через взаимодействия, постепенно создавая особое символическое пространство². Актуализация локальной идентичности наступает у индивида, когда он вовлекается в общественную жизнь города и становится сопричастен социально-культурным процессам, которые в нем имеют место быть. Таким образом, когда индивид становится успешен в городском пространстве, у него появляется особая связь с этим местом, гордость за то, что он смог что-то изменить в лучшую сторону³.

Локальная идентичность у жителей сельской местности выражено в тех местах, где населенный пункт имеет определенные особенности от окружающего пространства. Е. В. Морозова и Е. В. Улько рассматривают локальную идентичность со следующих позиций: идентификация с малой родиной – местом рождения; идентификация с особенностями ландшафта и климата; идентификация со значимыми историко-культурными событиями; идентификация со значимыми людьми; идентификация с экономической специализацией территории и уровнем социально-экономического развития; идентификация с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения⁴. Урбанизационные процессы, которые наблюдаются в республиках Южной Сибири, приводят к тому, что особенности негородских поселений начинают стираться и забываться новыми поколениями их жителей, которые ориентированы на переезд в город. Причем в каждой из республик Южной Сибири подобная ориентация направлена в сторону столиц регионов, которые являются единственными мощными центрами притяжения населения.

¹ Барышева Ю. С., Краснопольская А. П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 109.

² Mead G. H. *Mind, Self and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, London, 1934. 400 P.

³ Плотникова М. М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 5. С. 251.

⁴ Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 4. С. 141-142.

Макрорегиональный компонент этнокультурной идентичности наиболее выражен у русской части населения Южной Сибири. Он проявляется в виде сибирской идентичности, которая в постсоветский период стала восприниматься как особый феномен не только в бытовом плане, но и на научном уровне. А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская связывают складывание сибирской идентичности с ростом регионального самосознания, основанного на противопоставлении Сибири и Москвы¹. Суть этого противопоставления заключается в том, что Москва получает за счет Сибири ресурсы и при этом слабо помогает решать социально-экономические, этнокультурные и экологические проблемы, с которыми сталкиваются сибирские регионы. Так для Республики Хакасия наиболее острой является проблема вырубki леса и экологических последствий угледобычи открытым способом, для Республики Тыва – деятельности предприятий горнодобывающей промышленности, для Республики Алтай – индустрии туристического бизнеса. Наличие общих проблем способствует консолидации населения сибирских регионов, появлению интереса к истории освоения Сибири и рефлексии о последствиях государственной политики в отношении региона. При этом А. Э. Зайнутдинов отмечает, что «различия сибиряков и жителей европейской части страны в настоящее время находятся скорее в сфере менталитета и приспособления к жизни, чем в фенотипе или генотипе»². Сибирский менталитет связан с преодолением трудностей и тяжелых условий жизни, поэтому каждое новое стихийное бедствие, случающееся на территории Сибири, актуализирует сибирскую идентичность. Совместное реагирование на природные и техногенные катастрофы имеет потенциал для актуализации сибирской идентичности в политическом, социокультурном, правовом и других измерениях, однако, в условиях доминирования гражданской идентичности реализация подобного потенциала крайне затруднена.

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2012. № 3. С. 13.

² Зайнутдинов А. Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15. № 6. С. 341.

Этнический компонент этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири продолжает актуализироваться у представителей титульных этносов региона. Этническая идентичность поддерживается посредством социальных и этнокультурных программ в области национальной политики, а также мероприятий направленных на сохранение и популяризацию национальных языков. Э. Д. Смит определяет формирование этнической солидарности в качестве одного из важнейших компонентов становления гражданской нации¹. В республиках Южной Сибири удалось добиться подобной солидарности между всеми основными этническими группами региона, путем разделения сфер влияния и интересов. Кроме того, современной ситуации этническая идентичность нивелируется за счет большого количества усилий, которые государство направляет на формирование гражданской идентичности. Этническая идентичность для представителей алтайского, тувинского и хакасского этносов продолжает оставаться актуальной, пока существуют осязаемые границы в доступе к различным ресурсам между этническими группами, проживающими в республиках². Этническая идентичность актуализируется в случае экзистенциальных кризисов, с которыми сталкивается индивид, так как обращается к сущностным характеристикам своего «Я». Этническая культура является наиболее прочным связующим элементом между индивидом и коллективом, так как включает в себя как компоненты внешнего сходства, так и внутренней духовной взаимосвязи³. Этническая идентичность продолжает иметь значение для этнических предпринимателей, которые используют фактор этничности для достижения собственных целей в сфере социально-экономических отношений, но для большей части населения в постсоветский период этническая идентичность была нивелирована.

¹ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 16.

² Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пищилькова. М., 2006. С. 32.

³ Мухлынкина Ю. В. Основные критерии и детерминанты этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2013. № 7 (7). С. 122.

Глобальная идентичность в структуре этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири выражена наименьшим образом. Глобальная идентичность ориентирована на восприятие окружающей действительности с космополитических позиций, что для современной общественно-политической ситуации в России, является явлением маргинального характера. На формирование глобальной идентичности оказывает влияние активность перемещений по политической карте мира, опыт жизни в мегаполисе и наличие обширной сети социальных взаимодействий с жителями других государств¹. Типичный житель Южно-Сибирского региона не обладает подобным социокультурным опытом, поэтому актуализация глобального компонента идентичности затруднительна. Для получения подобного опыта необходимо немалое количество ресурсов, которым обладают представители региональных элит. Т. А. Нестик указывает на то, что «в формировании космополитических установок среди элиты ключевую роль играют не практики потребления, а постматериалистическая система ценностей и политическая идеология непосредственного окружения»². В ситуации идеологического давления со стороны государства, формирование глобальной идентичности у представителей региональных элит также затруднено. Небольшая степень актуализации глобальной идентичности обнаруживается среди молодежи Южно-Сибирского региона и буддистов³.

Таким образом, трансформация структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири в постсоветский период может быть отмечена следующими особенностями. Если в период 1990-х гг. гражданская идентичность уступала в актуальности макрорегиональной и региональной, то в 2000-е годы наблюдается динамика ее актуализации. Гражданская идентичность занимает

¹ Stromquist N. P. Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education // *Interamerican Journal of Education for Democracy*. 2009. V. 2. № 1. PP. 26-27.

² Нестик Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2017. Т. 2. №. 4 (8). С. 153-154.

³ Персидская О. А., Евдокимов А. И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (72). С. 137-141.

первую строчку в структуре идентичности жителей республик Южной Сибири. В качестве объяснения данной динамики можно выделить фактор постепенного складывания, сопровождающийся серьезной академической и государственной поддержкой, российского национального самосознания¹. Это оказалось фактором снижения актуализации макрорегиональной и региональной идентичности среди русского населения Южной Сибири. Значимость региональной компоненты идентичности для титульных этносов республик Южной Сибири, определялась рядом ранее обозначенных нами трендов, связанных с политикой по размыванию этничности советского периода и созданием национально-этнических автономий в начале постсоветского периода. Что касается этнической идентичности, то проводимые в регионе опросы не фиксировали значительного усиления ее позиций².

М. Манн и Д. Армстронг выделяли в качестве важного критерия активизации этничности наличие конфликтогенной ситуации. Если жизнеспособность милитаристской концепция М. Манна³ в современных условиях Южно-Сибирского региона видится маловероятной, то идеи об «этническом исключении» Д. Армстронга⁴ находят свое отражение в особенностях межэтнической ситуации в республиках Южной Сибири. Если в 1990-е годы процессы этнического исключения носили внутренний характер и были связаны с конфликтами между русским населением и титульными этносами, то с 2000-х годов фокус переместился в сторону мигрантов из-за рубежа. Согласимся с сибирским исследователем В. И. Дятловым, который сфокусировал изменения в структуре этнокультурной идентичности на миграционных процессах и определил, что «через отношение к мигрантам решается, каким

¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 14.

² Аксютин Ю. М., Евдокимов А. И. Влияние трансформаций структуры идентичностей жителей Южной Сибири в постсоветский период на межэтнические отношения // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М., 2016. С. 4182-4190; Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 (30). С. 9.

³ Mann M. The Autonomous Power of the State: It's Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology. 1984. Vol. 25. P. 196-198.

⁴ Armstrong J. Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982. P. 24-25.

должен быть принцип взаимоотношений общества и государства, на какой основе – этнической или гражданской – должны идти процессы нациестроительства, судьба федерализма, роль и значение границы для общества»¹.

Для более детального анализа этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири обратимся к анализу и характеристике степени влияния процессов трансформации структуры этнокультурной идентичностей на характер межэтнических отношений, что поможет в дальнейшем проанализировать социокультурную динамику региона.

Данные мониторингов состояния межэтнических отношений в середине 1990-х гг. в Южно-Сибирском регионе демонстрировали по большей части негативный характер межэтнических отношений. Позитивным моментом выступает тот факт, что межэтническая напряженность, которая достигала в то время высоких значений, практически не перерастала в открытые конфликты. Так, в Хакасии, в середине 1990-х годов межэтнические отношения в республике стабильными и благоприятными считали менее 50 % респондентов. В качестве главной причины высокой межэтнической напряженности экспертами выделились бытовой национализм и миграция². В середине 2000-х гг. показатели оценки характера межэтнических отношений в Южной Сибири изменились в положительную сторону³. Данную динамику гармонизации межэтнических отношений в регионе можно связать с трансформацией структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири, в которой на основное место начинал выходить компонент гражданской идентичности, но социально-политический кризис в России, который знаменовал собой окончание первого десятилетия XXI века, повернул динамику межэтнических отношений в негативное русло. Анализ социологических исследований 2013-2016 годов

¹ Дятлов В. И. Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем сообществе) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сборник научных статей. 2015. С. 206.

² Тугужекова В. Н. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (к. 1980 – 1990-е годы). Абакан, 2005. с. 35-37.

³ Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания. Абакан, 2006. С.55-59.

продемонстрировал тенденцию позитивизации восприятия межэтнических отношений жителями республик Южной Сибири: более половины респондентов обозначили межэтнические отношения как благоприятные¹. Южно-Сибирский регион, тем не менее, обладает потенциалом появления межэтнических конфликтов. Среди причин потенциального обострения межэтнической напряженности в период 2013-2016 годов, жители республик Южной Сибири выделяли миграцию, бытовой национализм, проблемы экономического и политического характера². Ю. В. Попков указывает на процессуальные сложности миграционного процесса, которые «негативно влияют на состояние отношений в межэтническом сообществе, поскольку механизмы адаптации людей к новой, быстро меняющейся этносоциальной ситуации, не могут перестраиваться мгновенно»³.

Анализ динамики структуры этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири и ее влияния на характер межэтнических отношений в исследуемом регионе позволяет сделать вывод о том, что конфликтогенный потенциал межэтнических отношений определяется целым рядом экономических, политических, этнокультурных и межличностных факторов. Данный потенциал скорее имеет характер функционального противоречия, нежели мировоззренческого конфликта, связанного с динамикой структуры этнокультурной идентичности.

Для индивида, действующего в социокультурном пространстве полиэтничного региона, этнокультурная идентичность выступает в качестве защитного механизма базисных экзистенциалов и ценностей. В ситуации стабильной повседневности активизация этнокультурной идентичности не требуется и для индивида большее значение имеют другие виды идентичности.

¹ Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 (30). С. 9

² Евдокимов А. И. Оценка факторов межэтнической напряженности в республиках Саяно-Алтая (анализ результатов социологического исследования 2016 г.) // Конфликтология и конфликты в современном мире: Материал Всерос. науч. конф. (Омск, 28 апреля, 2017 г.). Омск, 2017. С. 115-119.

³ Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 1.

Запуск в 1990-е годы концепции национально-этнических автономий в политическом пространстве Российской Федерации и сопровождающие его конфликты в области межэтнических отношений, поставили перед властями полиэтничных регионов задачу построения системы инкорпорирования этнических культур в общую гражданскую культуру. Анализ межэтнической ситуации в Южно-Сибирском регионе позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день такая задача была успешно решена на уровне межэтнических отношений в региональном поле. Будущая актуализация этнокультурной идентичности может наступить в случае появления социокультурных угроз со стороны внешних этнических групп. В философской антропологии существует бинарная оппозиция: «мы» и «они», – которая является важнейшим принципом существования любого вида идентичности, в том числе и этнокультурной. Через данные категории формируются и аккумулируются основные запросы индивида, как члена этнокультурной группы, связанные с удовлетворением своих потребностей. В отечественной антропологической традиции выделяются такие аспекты рассмотрения этнокультурной идентичности как «ингрупповое подобие» и «аутгрупповая дифференциация».¹ Ингрупповое подобие достигается, когда представители различных этнических групп имеют схожую социокультурную идентификацию, воспринимая «другого» как «своего». Аутгрупповой дифференциацией является ситуация, в которой представители одной этнической группы маркируют индивида, который чем-то отличается от них, как «чужого». Данные стратегии, несмотря на свою противоположность, имеют взаимообуславливающий характер: чем больше мы ощущаем общность внутри одной группы, тем сильнее отдаляемся от «чужих» групп. Таким образом, понятие «чужой» становится важным маркером формирования и приписывания различий между этническими группами и механизмом поддержания устойчивости собственной этнокультурной идентичности. В условиях гармонизации

¹ Алиев Н. И., Абдулаева З. Э. Этнокультурная идентичность как составляющая антропосоциальной реальности // Гуманитарий юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 131.

межэтнических отношений во внутреннем региональном пространстве, что было отмечено нами ранее на примере Южно-Сибирского региона, таким маркером становится внешний актор. В современной динамике социокультурного пространства территорий подобными акторами становятся мигранты, в частности, трудовые мигранты из-за рубежа. В исследованиях восприятия трудовых мигрантов жителями республик Южной Сибири нами была обозначена тенденция адаптации этнокультурной идентичности жителей региона к приезжим мигрантам¹. Активизация процессов аккультурации мигрантов в социокультурном пространстве, требует рассмотреть еще один важный элемент этнокультурного пространства Южно-Сибирского региона: авто и гетеростереотипы.

В ситуации нарастающего давления со стороны мигрантов из-за рубежа этнокультурные сообщества регионов Российской Федерации испытывают сложности с формированием стратегий ответа на подобное давление. Региональные сообщества находятся на промежуточной ступени между распадающейся советской идентичностью, развитой региональной идентичностью и пока не сложившейся до конца новой гражданской идентичностью. В качестве одной из причин этого, мы можем выделить различия ценностных ориентаций, которые у одних этнических групп направлены в сторону увеличения темпов модернизации, а у других этнических групп связаны с усилением традиционалистских ориентаций, которые проявлялись в распространении феномена этнокультурного и этнорелигиозного неотрадиционализма. Так, появление подобных феноменов в республиках Южной Сибири сопровождалось возрождением интереса к тенгрианству².

Современное развитие социокультурного пространства российского государства характеризуется комплексом взаимосвязанных процессов, которые в динамике своего развития ориентированы на две крупные парадигмы: «традиционализм» и «модернизм». В России насчитывается большое количество

¹ Евдокимов А. И. Анализ восприятия трудовых мигрантов из-за рубежа жителями республик Южной Сибири на современном этапе // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 64.

² Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-Confessional Neotraditionalism in a Globalized World: Search of Basis of Identification // Revista de Humanidades (Spain). 2017. № 30. P. 143.

этнических групп, обладающих уникальным набором феноменов материальной и нематериальной культуры. Развитие этнических групп происходило в условиях влияния разнообразных факторов, как внутренних, связанных с диалектическим преодолением собственных противоречий, так и внешних, происходящим под влиянием культур других этнических групп. Традиционализм связывает обновление социокультурного пространства территорий с ориентацией на прошлое, а его сторонники оперирует такими понятиями, как «золотой век» или «золотая эра», противопоставляя их развитию цивилизации и научно-техническому прогрессу.¹ Традиционализм воспроизводит механизмы регулирования социокультурной среды этнической группы, которые были присущи ей исторически, пытаясь определить определенные периоды ее развития в качестве идеальной модели бытия. Запущенные подобным образом механизмы актуализируют процесс самоидентификации у представителей определенной этнической группы. Важным условием успешности работы подобного механизма является наличие консенсуса внутри этнической группы по поводу того, какие предметы и явления культуры будут воспроизводиться данной этнической группой. Перед представителями этнической группы стоит задача согласования установок, что определенный вид искусства, предмет одежды или способ призыва высших сил, является неотъемлемой характеристикой этнической культуры. Актуализация традиционалистских установок в полиэтничных регионах Российской Федерации способствует возрождению когда-то потерянных этнической культурой традиционных видов спорта, музыкальных инструментов, предметов одежды, национальной кухни, литературы и других вновь изобретенных традиций.² Модернизм представляется в виде обновления традиционных социокультурных оснований по модели развитых стран западного мира, которое сопровождается процессами глобализации, интернационализации и вестернизации. Модернизационная модель развития этнической культуры

¹ Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, N.J., 1994. P. 40.

² Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 51.

обращается к опыту передовых стран и требует кардинальной трансформации социокультурного пространства, аксиологических доминант, форм интеллектуальной и трудовой деятельности. В конечном итоге, модернизм стремится к унификации глобальной социокультурной среды, что является угрозой утраты уникальности этнических культур.

Для анализа автостереотипов жителей республик Южной Сибири воспользуемся данными исследований Ю. М. Аксютин, в которых представителям основных этнических групп Южно-Сибирского региона предлагалось отметить те характеристики, которые, по их мнению, являются наиболее распространенными в отношении собственной этнической группы¹.

В качестве индикаторов модернизационных ценностных установок были выделены такие качества, как целеустремленность, трудолюбие, смелость, интеллект, благоразумие, спокойствие, дисциплинированность и порядочность. Отсутствие или небольшой процент респондентов, которые выделили данные качества, дает возможность интерпретировались их ценностные установки как традиционалистские. Представители титульных этнических групп республик Южной Сибири отметили следующие качества: доброту, целеустремленность и трудолюбие, широту души и гостеприимность, искренность, порядочность. Автостереотипы русских оказались похожи на автостереотипы алтайцев, тувинцев и хакасов. Большинство русских респондентов отметили такие характерные черты своей этнической группы как: доброта, широта души и гостеприимность, искренность, целеустремленность и трудолюбие, отзывчивость. Анализ негативных автостереотипов также выявил больше сходств, чем различий между исследуемыми этническими группами. Чаще всего представители всех основных этнических групп республик Южной Сибири указывали следующие отрицательные качества своей этнической группы: вредные привычки, лень и слабость характера.

¹ Аксютин Ю. М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1-2. С. 99-106.

Интерпретации представленных данных позволяет сделать вывод о том, что качества, которые обозначены нами как модернизационные, в автостереотипах алтайцев, тувинцев, хакасов и русских не являются ведущими. Представителей всех основных этнических групп республик Южной Сибири в своих ценностных установках находятся между модернизмом и традиционализмом, что является причиной несогласованности стратегии коммуникации с представителями внешних этнических групп.

Республики Южной Сибири являются национальными регионами со своими особенностями исторического развития, этнокультурного становления и спецификой взаимоотношений с соседями, что формирует уникальные нарративы идентичности в каждой из республик. Несмотря на некоторые различия в нарративах самоидентификации и межэтническую напряженность послеперестроечных лет, в каждом из регионов к настоящему времени создалась достаточно устойчивая бесконфликтная среда взаимодействия всех крупных этнических групп. Интенсификация контактов в области экономических отношений, политики, культуры и социальной коммуникации привела к тому, что нарративы основных этнических групп республик Южной Сибири согласовались с нарративами друг друга. Наступило экологическое равновесие, которое позволяет говорить о наличии общего социокультурного пространства Южной Сибири.

Данное согласование, однако, не может являться гарантией окончательной гармонизации отношений внутри социокультурного пространства Южной Сибири и закрепления структуры этнокультурной идентичности жителей региона. Развитие различных форм глобализационного мышления, все более осязаемый в странах западного мира кризис концепции национального государства, и формирования глобальной гражданской ответственности, порождает рефлексию о постнациональной идентичности. Постнациональная идентичность отстает от традиционных идентификационных практик, завязанной представителями конструктивистской парадигмы на «национальной» и «этнической» составляющих,

а занимается поиском новых оснований для осознания собственного «Я» в трансформирующемся социуме.¹ В. П. Гриценко и А. В. Опошнянский актуализируют значение синергетического эффекта в процессах распространения новых типов идентичностей в глобальных масштабах². Активизация международных миграционных процессов во второй половине XX привела к фрагментации этнического состава населения в различных странах мира. Данная фрагментация привела к интенсификации межкультурных контактов, которые часто протекали в стихийных условиях. Результатом влияния таких стихийных контактов стали конфликты идентичностей, разрешение которых приводило в движение социокультурное пространство территорий, в результате которого произошло формирование нового типа транскультурного пространства. Транскультурное пространство можно представить в виде особого рода среды коммуникаций, для которой характерен диалог культур, обеспечивающий условия для эффективных взаимодействий, отсутствие коммуникационных барьеров, и наличие точек бифуркации, которые представляются необходимыми потенциями для качественного перехода сложившейся системы культуры к транскультуре³.

В результате анализа особенностей этнокультурной идентичности жителей Республик Южной Сибири, можно сделать вывод о том, что на данный момент согласование происходит за счет актуализации гражданской идентичности. Изменяющаяся социокультурная среда, стремящаяся к транскультурности, формирует новые нарративы функционирования этнокультурной идентичности. Этничность больше не является важнейшим инструментом самоидентификации индивида, а модернизирующаяся этническая культура выступает в виде буферной зоны между индивидом, социальными институтами и глобальным миром. Этнокультурная идентичность занимает позицию латентного защитного механизма, который всегда можно актуализировать в случае кризиса других

¹ Линченко А. А., Сыров В. Н., Головашина О. В. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 84.

² Гриценко В. П., Опошнянский А. В. Глобализационный тренд и этнокультурная идентичность // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 267.

³ Фомина М. Н., Борисенко О. А. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1 (5). С. 109.

видов идентичности. Наличие подобного механизма представляется особенно важным для этнических групп, которые составляют небольшую часть населения полиэтничных регионов и испытывают давление, как со стороны других этнических групп, так и нарастающего потока международных мигрантов. Трансформация социокультурного пространства, осуществляющаяся на основе согласования основных типов этнокультурной идентичности всех участников межэтнических отношений, в данном пространстве представляется наиболее эффективным способом предотвращения эскалации возможных этнокультурных конфликтов и сохранения культурного многообразия территорий.

2.2. Динамика социокультурного пространства Южно-Сибирского региона в условиях внешнего миграционного давления

Современное российское общество является комплексной динамической системой, общее функционирование которой базируется на взаимодействии совокупности ее частей, регионов. Региональное пространство, в свою очередь, находится под воздействием различных политических, экономических, социальных и культурных факторов, которые влияют на его трансформацию и связаны как с внутренними, так и внешними субъектами взаимодействия. В реалиях современного российского государства феномен «внешней миграции» становится важнейшим индикатором фиксирования такого рода трансформаций. Российское общество, в котором продолжается становление гражданской идентичности, реагирует на эти трансформации различным образом. Регионы Российской Федерации обладают набором уникальных особенностей в демографических и территориальных характеристиках, системой механизмов регулирования правового поля, межрелигиозной и межэтнической ситуации. Л. М. Дробижева обращает внимание на специфику национальных республик, выраженную тем, что динамика межэтнических отношений в них зависит от исторического прошлого, количественного состава основных этнических групп,

проживающих на территории региона, и уровня их социально-экономического развития¹. Томские исследователи определяют специфику макрорегиона Сибири, как особого контактного поля, в котором достижение баланса между гражданской идентичностью и региональной самоидентификацией осложняется такими факторами как «миграционная, демографическая проблемы, вопрос «справедливого» (с точки зрения регионов) распределения федерального финансирования и использования природных ресурсов»². Новосибирские исследователи подтверждают положения томских коллег опросами региональных экспертов в области межэтнических отношений. Так в Республике Алтай эксперты выделяют миграцию из стран Центральной Азии и Кавказа в качестве основного фактора межэтнической напряженности в региональном пространстве Сибири. Порядка 37 % опрошенных экспертов основной проблемой увеличения присутствия мигрантов обозначили рост конкуренции местному населению на рынке труда, 27 % – неуважительное отношение мигрантов к местным традициям, 19 % – рост преступности в регионе, 14 % – распространение незаконного предпринимательства³.

Возникновение подобных опасений является примером своевременной реакции на изменения, которые начинают происходить в этнокультурном пространстве территорий, вследствие внешнего миграционного нажима. Республики Южной Сибири в последние годы испытывают ощутимое влияние со стороны мигрантов из государств Центральной Азии. В качестве основных причин интенсификации миграционного потока можно выделить: во-первых, этнокультурную близость этнических групп, проживающих на территории стран Центральной Азии и республик Южной Сибири; во-вторых, географическое соседство и развитость трансграничных контактов; в-третьих, геополитические

¹ Дробижина Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражения вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 33.

² Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 42.

³ Мадюкова С. А., Персидская О. А. Региональная специфика этносоциальных процессов и межэтнических отношений в Республике Алтай // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 103.

амбиции Российской Федерации как ведущей политической единицы постсоветского пространства, которая рассматривает выходцев из стран Центральной Азии как потенциальных агентов распространения своего влияния. Активизация миграционного движения из стран Центральной Азии в Южную Сибирь, создает потенциальные вызовы в сфере регулирования межэтнических отношений в республиках Южно-Сибирского региона, а также становится фактором динамики структуры этнокультурной идентичности его жителей.

Ш. С. Сулейманова и Е. Л. Рябова отмечают, что воздействие, которое оказывает межэтническое взаимодействие на представителей контактных этнических групп, помогает актуализировать индивидам собственную этническую идентичность. Подобная актуализация положительным образом влияет на динамику этнической культуры и способствует сохранению этническое многообразия в глобальном отношении¹. Как было отмечено нами ранее, международная миграция выступает в качестве важной составляющей этого процесса актуализации благодаря тому, что международный мигрант становится носителем нескольких культур вследствие своей мультилокальности. Таким образом, успешная адаптация носителя мультилокальности к новому пространству жизни, способствуют модернизации социокультурного пространства территории прибытия мигранта². На значение миграционного фактора в этнокультурной динамике территорий обращает внимание Ю. В. Попков, который отмечает, что «одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на характер этносоциальных процессов в отдельных регионах, в настоящее время является внешняя и внутренняя миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные

¹ Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л. Миграционные процессы и межнациональные, межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 10.

² Glick Schiller, N. Citizens in transnational nation-states: the Asian experience. London, 1999. P. 212.

(локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос»¹.

Ю. В. Мухлынкина выступает с алармистских позиций в определении значения международной миграции в динамике этнокультурного пространства территорий и воспринимает массовую международную миграцию как угрозу этнокультурной идентичности местных жителей. Исследователем выделяется понятие «маргинальной этнической идентичности», которое характеризует мигрантов как нестабильных участников взаимодействий внутри регионального пространства, инкорпорирование которых в региональный социум значительно затруднено. Международный мигрант «никогда не сможет совершенно порвать (даже если ему будет дана такая возможность) со своим прошлым и его традициями и никогда не будет принят в новое общество, в котором он пытается найти для себя место»².

Промежуточную позицию в определении характера влияния международной миграции на динамику социокультурного пространства территории прибытия занимают Е. А. Самсонкина и В. Н. Муха, которые считают, что позитивность или негативность влияния зависит от таких особенностей территории прибытия, как «моно-полиэтничность среды проживания, социокультурная дистанция между взаимодействующими этносами, принадлежность к этническому большинству или меньшинству, степень дискриминации меньшинства»³. Данная классификация подтверждается выводами Е. А. Ерохиной, которая исследовала межэтническую ситуацию в Республике Хакасия в начале 2000-х годов. Исследователь отметила различие восприятия мигрантов из Центральной Азии и Китая хакасскими и русскими

¹ Попков Ю. В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 14.

² Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность в эпоху глобализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 4. С. 241.

³ Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Риски этнической идентичности в современном мире // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 37. С. 59.

жителями региона: хакасы относились к мигрантам негативно, русские – стабильно положительно¹.

Внешние миграционные процессы в Южно-Сибирском регионе на современном этапе отмечаются рядом общих тенденций и частных особенностей. Первой тенденцией является эмиграция представителей некоторых этнических групп (евреи, немцы), связанная с активизацией в постсоветский период процесса репатриации. Второй тенденцией является увеличение потока внешних трудовых мигрантов. Если в 1990-е гг. трудовые мигранты были максимально представлены китайцами², то в XXI веке их место заняли трудовые мигранты из государств Центральной Азии (Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана).

Особенности миграционной ситуации в каждой из республик Южной Сибири являются следствием уникальности социокультурной обстановки, географическими и экономическими факторами. Исследователями отмечается, что миграционная проблема для республики в целом не является острой, так как «многие мигранты используют Горно-Алтайск в качестве «перевалочного пункта» перед переездом в более крупные города и поэтому не остаются постоянно жить на Алтае»³. С другой стороны, Республика Алтай имеет сухопутную границу с Казахстаном и исторически существующую систему трансграничных контактов, поэтому районом наибольшей интенсификации взаимодействий между алтайцами и казахскими мигрантами является Кош-Агачский район. В современной ситуации именно в данном районе республики отмечается обострение межэтнических противоречий между алтайцами и казахами, которое происходит на почве религиозного давления ислама и распределения властных ресурсов⁴. Исламский фактор также является существенной составляющей миграционного

¹ Ерохина Е. А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 103.

² Анжиганова Л. В. Принимающее сообщество и трудовые мигранты Республики Хакасия: риски и перспективы взаимодействия // Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика. Омск, 2018. С. 213-214.

³ Попков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири // Новые исследования Тувы. 2014. № 4 (24). С. 6.

⁴ Мадюкова С. А., Персидская О. А. Региональная специфика этносоциальных процессов и межэтнических отношений в Республике Алтай // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 103.

давления на Южно-Сибирский регион. Помимо противоречий, которые возникают из-за различий в религии мигрантов и представителей принимающего сообщества, потенциальную проблему ставит исламизация местного населения. Т. В. Излученко считает, что адепты ислама, которые появляются в среде немусульманских сообществ «склонны к принятию форм нетрадиционного ислама, увлечению экстремистскими идеями, что приводит к возникновению запрещенных организаций, росту преступности и может негативно сказаться на развитии региона и государства»¹. С учетом того, что региональные власти выбирают разные стратегии инкорпорации мусульманского сообщества в социокультурное пространство региона, это может иметь серьезный потенциал эскалации межрелигиозных конфликтов. Примером деятельности властей в области религиозной политики может служить строительство соборных мечетей в столицах Республики Алтай и Республики Хакасия. Диалог мусульманского сообщества и региональной власти Республики Алтай способствовал появлению соборной мечети г. Горно-Алтайске в 2013 году. Конфликт мусульманского сообщества Республики Хакасия с региональными властями и городской администрацией г. Абакан является причиной того, что соборная мечеть так и не была построена, при этом мусульмане продолжают стабильно собираться в месте предполагаемого строительства для совершения пятничной молитвы.

В социокультурном пространстве Республики Хакасия межэтническую напряженность актуализирует дискуссия между хакасами и кыргызскими мигрантами по поводу енисейских кыргызов. Результатом существования данной мифологемы становится появление этнических предпринимателей (с обеих сторон), которые используют рост межэтнической напряженности в собственных целях. Например, когда мигранты начинают слишком активно вторгаться в традиционные сферы деятельности хакасов, связанные с выпасом скота и сбором дикоросов. Все это происходит в условиях активного роста миграционной сети

¹ Излученко Т. В. Русский ислам: современное положение и тенденции развития. Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 1. С. 281.

кыргызов на территории Хакасии, что, с позиции теории синтетической миграции, может свидетельствовать о наличии потенциала для формирования сети по территории всего Южно-Сибирского региона¹. Стабильно возникающие в Республике Кыргызстан политические кризисы становятся дополнительным фактором принятия решения о миграции для кыргызов и приводят к интенсификации миграционного потока. Наличие на территории Южной Сибири успешно функционирующей системы диаспор, общественных организаций этнического толка и публичных лидеров становится объяснением того факта, что миграция из Киргизии является самым крупным миграционным каналом как на территории Республики Хакасия, так и всего Южно-Сибирского региона².

В контексте выделения особенностей Республики Тыва, необходимо отметить значение давления внешней миграции на экономическую составляющую регионального пространства территорий. Мигранты из государств Центральной Азии оказывают значительное влияние на экономику республик Южной Сибири, выступая в качестве дешевой рабочей силы, услугами которой активно пользуются местные предприниматели и бизнесмены. Показательными примерами этого являются сферы строительства и дорожных работ. Кроме того, приезжие сами начинают заниматься предпринимательской деятельностью, предоставлять продукты и услуги по низким ценам, что активизирует конкуренцию на рынке с местными представителями бизнеса. В обоих рассмотренных случаях мигранты вытесняют из определенной экономической ниши часть местного населения, что становится причиной роста уровня негативного восприятия внешних трудовых мигрантов.

Этнокультурное пространство Республики Тыва подвержено наибольшему давлению со стороны трудовых мигрантов из Китая, которые работают на предприятиях горнодобывающей промышленности. В ситуации высокого уровня консолидации тувинского этноса на территории республики миграционное

¹ Massey D, Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A. Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19 (3). PP. 459-460.

² Евдокимов А. И. Южно-сибирский вектор центрально-азиатской миграции: кыргызы в Хакасии // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 18. В 2 т. Абакан, 2014. С.165.

давление пока особо не ощутимо. Китайские мигранты были самыми заметными участниками миграционных процессов на территории Южно-Сибирского региона в 1990-х – начале 2000-х годов. Л. В. Анжиганова связывала это с низкой плотностью населения в республиках Южной Сибири, благоприятными климатическими условиями, высоким качеством водно-земельных ресурсов и гибкостью системы налогообложения¹. Социально-экономическая ситуация в регионе отвечала одному из ключевых миграционных параметров – «качеству жизни»². Уровень качества жизни в регионах прибытия был выше, чем в регионах убытия, что является важным фактором «притяжения» для мигрантов³. Укрупнение миграционного потока из Китая, происходившее в ситуации изоляции китайской общины в социокультурном пространстве Южно-Сибирского региона, привело к тому, что фактор «китайских мигрантов» стал активно использоваться региональными властями в качестве громоотвода негативных общественных настроений. Ужесточение федеральной миграционной политики в 2000-х годах повлекло за собой уменьшение миграционного потока из Китая и укрупнению центрально-азиатского миграционного потока.

Международная миграция в современности представляется объективным процессом, который сопровождается возникновением конфликтов с представителями принимающего социума⁴. Подобные конфликты часто не связаны с различием ценностных установок, социокультурных норм и системы религиозности, а являются следствием бытового национализма, которому позже приписывается этнокультурный характер. Мигранты действуют в рамках модели аккультурационных ориентаций, которая старается сохранить самобытную этническую культуру, но при этом направлена на взаимодействие с

¹ Анжиганова Л. В. Эволюция межнациональных отношений в Республике Хакасия (социологический аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 81.

² Лисицын П. П., Резаев А. В. Теоретико-методологические основания социального анализа процессов трудовой миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 4. С. 127.

³ Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3(1). PP. 47-57.

⁴ Ионцев В. А., Алешковский И. А. Международная миграция в контексте глобализации мирового хозяйства // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 10 (116). С. 21.

социокультурной средой территорий прибытия¹. Э. Н. Соболев считает, что модель дистанцирования снижает уровень межэтнической напряженности, так как международные мигранты обособляются от местной социокультурной среды. На примере, китайских мигрантов он доказывает работоспособность данной модели, при условии, что дистанцирование не ведет к противопоставлению своих этнокультурных установок нормам социокультурного пространства принимающего сообщества². Е. О. Данилова отмечает, что миграционные процессы становятся важным актором модернизации региональных сообществ, увеличение количественного и качественного состава миграционных потоков является следствием этой модернизации, а «понимание противоречий экономической интеграции является важным фоном для анализа отечественной миграции как положительного явления в условиях глобализации»³. О. И. Бородкина, Н. В. Соколов и А. В. Тавровский придают особое значение культурной дистанции между местным и приезжим населением, которая создает противоречия ценностно-нормативного характера. При этом противоречия экономического и трудового характера зачастую выпадают из фокуса общественного внимания и актуализируются в случае открытой конфронтации⁴.

Ранее нами было отмечено, что во втором десятилетии XXI века была зафиксирована тенденция изменения восприятия межэтнических отношений в республиках Южной Сибири со «стабильной напряженной» в сторону «благоприятной». Однако результаты анализа данных социологических исследований 2016 года показали, что восприятие мигрантов из стран Центральной Азии жителями республик Южной Сибири продолжает иметь

¹ Ясинская-Лахти И., Мяхёнен Т. А., Варьйонен С., Арнольд Л., Юяля А., Юрва К., Кинунен Т. Идентичность и интеграция в контексте этнической миграции (на примере ингерманландских финнов) // Диаспоры. 2012. № 1. С. 192.

² Соболев Э. Н. Трудовая миграция в свете сохранения национальной идентичности России // Вестник международного института менеджмента ЛИНК. 2009. № 24. С. 155.

³ Данилова Е. О. Теория Д. Массея в дискурс-анализе социально-экономической активности и сетевого взаимодействия трудовых мигрантов в РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 162.

⁴ Бородкина О. И., Соколов Н. В., Тавровский А. В. Социальные риски международной иммиграции в Россию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 128.

выраженный негативный характер¹. Данные свидетельствуют о том, что в условиях нарастающего давления со стороны мигрантов из Центральной Азии в сознании местного населения формируется нейтрально-негативный нарратив восприятия центрально-азиатских трудовых мигрантов. Несмотря на существование подобного нарратива восприятия мигрантов из стран Центральной Азии жителями республик Южной Сибири, был выделен ряд факторов, которые могут способствовать обращению данной тенденции в позитивное направление. Первым фактором является рост уровня жизни местного населения. Анализ результатов исследования показал, что с увеличением уровня материального положения растет доля респондентов, которые положительно относятся к приезжим трудовым мигрантам. Вторым фактором является возраст, который демонстрирует, что с увеличением возраста респондентов снижается уровень негативного восприятия мигрантов. Наконец, это дифференциация этнического состава населения региона. Положительное и нейтральное восприятие трудовых мигрантов свойственно территориям с увеличением доли титульного этноса в населении региона.

Международная миграция из стран Центральной Азии в Россию приобретает свои особенности в начале становления новых независимых государств. Основным фактором существования миграционного потока стала нужда в трудовых ресурсах, которую испытывали экономически развитые территории России. Внутренние трудовые ресурсы были не в состоянии удовлетворить запросы экономики, что привело к образованию свободной ниши для низкоквалифицированной рабочей силы на рынке труда. Постепенный рост экономики в масштабах всего российского государства способствовал диверсификации миграционных потоков, которые начали функционировать в экономически менее развитых регионах. Для определения форм внешнего миграционного давления со стороны мигрантов из государств Центральной Азии

¹ Евдокимов А. И. Нарративы восприятия миграции в региональном социуме (на примере центрально-азиатской миграции в республиках Южной Сибири) / Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-1 (53). С. 150.

на социокультурную динамику территорий, обратимся к анализу этнокультурных особенностей мигрантов.

Государства Центральной Азии сегодня являются важным источником демографических ресурсов для Российской Федерации, поэтому в работах отечественных исследователей мигрантам из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в последние годы уделяется пристальное внимание. Т. Н. Юдина и Г. Н. Осадчая обращают особое внимание на необходимость создания общей системы образования и профессиональной подготовки кадров, которая поможет решить задачу улучшения знания мигрантами русского языка¹. Миграционные каналы, которые вновь выстраивались между странами Центральной Азии и Россией после распада Советского Союза, базировались на ряде экономических, политических, социальных и культурных установок, которые, с одной стороны, были наследием советского прошлого, с другой стороны, стали механизмом формирования и легитимизации новых независимых государств. В изменившихся реалиях жители стран Центральной Азии столкнулись с проблемой обретения новой идентичности, которая должна была занять место советской идентичности. В данной ситуации, основой построения новых постсоветских наций стали этнокультурные особенности жителей стран региона.

Очевидно, что в каждом государстве Центральной Азии существует своеобразная этнокультурная ситуация, которая создает уникальную систему идентичностей. Миграционное движение создает дрейф этой системы, в результате которого в стране прибытия выкристаллизовываются те этнокультурные особенности, которые имеют значение для принимающего сообщества.² Мигранты из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана для подавляющего большинства населения нашей страны превращаются в некий обобщенный конструкт, или «воображаемое сообщество»

¹ Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Постсоветская Россия: особенности миграционных процессов и политики // ПОИСК: Политика. Обществознание. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 3 (56). С. 75.

² Palloni A., Massey D. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. PP. 1280-1281.

если пользоваться терминологией Б. Андерсона¹ (у которого могут быть различные названия, например «мигранты из государств Центральной Азии», которое используется нами). Содержание данного конструкта основывается на внешних и внутренних отличиях приезжих от жителей конкретного региона России.

Важно отметить, что этнокультурные особенности могут иметь свою специфику восприятия местным населением регионов Российской Федерации. Так исламский фактор не помогает центрально-азиатским мигрантам инкорпорироваться в кавказские регионы России, а фактор общей тюркской группы языков не становится гарантией отсутствия межэтнических конфликтов между мигрантами и местным населением тюркских республик. Традиционные семейные ценности мигрантов, связанные с ориентацией на продолжение рода и многодетностью, также зачастую воспринимаются как демографическая угроза для представителей принимающего социума². Российскими исследователями³ отмечается, что киргизские мигранты благодаря хорошему знанию русского языка (который имеет статус официального языка и преподается в школах) имеют преимущество среди других мигрантов из Центральной Азии. Но в республиках Южной Сибири именно взаимоотношения между местными жителями и мигрантами из Кыргызстана имеют самый большой конфликтный потенциал.

Социокультурное пространство, в которое попадает мигрант в результате переезда, значительно отличается от привычных условий жизни. При этом, по мнению Г. С. Солодовой, мигранты на новом месте продолжают следовать сформировавшимся на родине социокультурным установкам, т.е. продолжают опираться на собственную культуру. В качестве причин, по которым это происходит, выделяются: «сознательное следование интернализованному ранее

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. С. 29.

² Мадюкова С. А., Персидская О. А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 39. № 4. С. 115.

³ Письменная Е., Рязанцев С., Боженко В. Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 4. С. 102.

миропониманию» и «определенная социокультурная инерционность мышления»¹. Особенно заметно это проявляется в разности ценностных ориентаций. В. И. Мукомель отмечает, что мигранты придают большое значение традиционным семейным ценностям². Многих мигрантов, которые достигают трудоспособного возраста, на заработки отправляют всей семьей, так как экономическое положение семьи зависит от отправляемых на родину средств. Другим преимуществом трудовой миграции становится возможность накопить первоначальный капитал для строительства, свадьбы или открытия своего дела на родине. По информации В. М. Пешковой рост потоков трудовой миграции привел к тому, что немного вырос возраст социально одобряемого возраста заключения брака: 25-27 лет для мужчин и 22-24 годы для женщин³. При этом многие мигранты, которые уезжают в Россию по образовательной линии, наоборот, намерены остаться в России, и связывают свои дальнейшие жизненные планы с новым местом жизни. Т. Н. Журавская отмечает, что социокультурное пространство территории прибытия через некоторое время начинает оказывать значительное воздействие на мотивацию мигрантов, поэтому «приобретая навыки и опыт, выстраивая социальные и прочие связи, принимая культурные нормы, мигранты постепенно приходят к решению не просто о временном пребывании, а о смене теперь уже места жительства, пытаются перевезти членов своей семьи»⁴.

Результатом миграции становится перестройка привычной среды отношений и коммуникаций, которая в обществах Центральной Азии значительно зависит от семьи, поэтому особое значение для молодежи имеют идентификационные стратегии, которые задаются старшими членами семьи. В зависимости от данных стратегий О. И. Брусина выделила следующие типы мигрантов: «временные

¹ Солодова Г. С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 2. С. 85.

² Мукомель В. И. Специфика взаимной адаптации и интеграции принимающего населения и мигрантов в молодежной среде // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 4-1 (105). С. 110-111.

³ Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 51.

⁴ Журавская Т. Н. Миграция из стран СНГ в Амурскую область в контексте синтетической теории // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 109.

трудовые мигранты», «бригадиры» и «индивидуалисты»¹. Первый тип мигрантов обычно включает в себя сельских жителей, которые обладают низким уровнем образования, не имеют профессии, поэтому занимаются низкоквалифицированным трудом с целью заработка денег и последующего возвращения на родину. Второй тип мигрантов также ориентирован на социокультурное пространство страны исхода, но включает в себя выраженные ценностные установки мигранта на улучшение своего социального положения и престижа среди земляков. Мигранты третьего типа – это наиболее образованные люди, которые имеют наименьшую зависимость от коллектива и принимают решение о переезде или возвращении на родину, исходя из собственного рационального расчета.

Каждая из миграционных стратегий формирует особенные условия трансформации этнокультурной идентичности, в которых мигрант адаптируется к новой реальности и выстраивает дальнейшую жизненную траекторию. Отметим тот факт, что влияние, которое оказывают внешние мигранты на социокультурную динамику региональных пространств, не может иметь сугубо положительного или отрицательного характера. Негативное отношение к мигрантам становится следствием проблем, которые испытывает региональный социум в определенный исторический момент. Однако эти проблемы могут быть вызваны действиями мигрантов, в результате чего в среде принимающего сообщества формируются определенные стереотипы. Стереотипизация представляется нам еще одной формой миграционного давления, которое трансформирует социокультурное пространство Южно-Сибирского региона.

Проблема исследования социокультурных стереотипов в отношении мигрантов представляет определенный интерес для современных исследователей. Е. В. Шмелькова и И. В. Михалева определяют стереотип как особенность индивидуального отношения к происходящим в окружающей действительности

¹ Брусина О. И. Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 90-91.

событиям, которая формируется на основании их рефлексии по отношению ко внутренним идеалам¹. Стереотипы могут объединяться в структуры и оказывать влияние на социокультурные установки индивида. Стереотипы по отношению к внешним мигрантам составляют одну из подобных структур, которая позволяет индивиду провести этнокультурную границу между «Я» и «Другой». Е. Ю. Садовской определяет социокультурный стереотип в качестве схематического представления о различных социальных и культурных явлениях, которое детерминирует паттерны поведения индивида и помогает ему занять определенную позицию в отношениях с «другими». Для этого индивид пользуется такими инструментами стереотипизации, как описание, оценка и предписание. На уровне «описания» субъект социального пространства отношений приписывает определенные характеристики объекту, которые формируют основу его отношения к нему. На уровне «оценки» индивид заполняет эту характеристику положительными или отрицательными коннотациями, а на уровне «предписание» появляется руководство к демонстрации своей характеристики².

А. В. Дмитриев трактует стереотипизацию как «процесс приписывания сходных характеристик абсолютно всем членам какой-либо социальной группы без достаточного осознания возможных различий между ними»³. В ситуации невозможности получения достоверной информации и отсутствия личного опыта коммуникации, стереотипы представляют собой упрощенные образы различных миграционных групп. Появляются такие распространенные в российском публицистическом дискурсе этнические стереотипы как «чурка», «кавказец», «хохол», «нерусский» и прочие. Подобные упрощения не всегда являются предвзятыми и носят обязательный предписывающий характер, часто они просто фиксируют сложившийся в определенной социокультурной среде исторический и

¹ Шмелькова Е. В., Михалёва И. М. Особенности национальных стереотипов коренного населения по отношению к трудовым мигрантам // Молодежный вестник ИрГТУ. 2014. № 1. С. 24.

² Садовская Е. Ю. Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 171.

³ Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы / А. В. Дмитриев // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (09). С. 24.

культурно-антропологический опыт. Среди населения республик Южной Сибири до сих пор распространен стереотип, который сформировался в 1990-е годы, о «китайском» товаре, как о товаре низкого качества. Соответственно дальше стереотип развивается и формирует негативное отношение не только к китайскому товару, но и ко всему китайскому. Так создается этнический стереотип, который представляет собой совокупность признаков, приписываемых определенной этнической группе, которые при этом не являются объективными характеристиками этнической группы¹.

Феномен «этнизации» активно разрабатывается в современных отечественных исследованиях. В. И. Дятлов, К. Г. Григоричев² и Е. А. Ерохина³ видят в этнизации актуализацию этничности в повседневных практиках индивида, которая происходит через обращение к механизмам трансформации социокультурного пространства отношений и маркирования их этническими категориями. Процессы этнизации связаны с историческим развитием социокультурных пространств, в рамках которых появлялись и продолжают существовать устойчивые сферы взаимодействий между местным и приезжим населением. Высокий уровень комплементарности и неоднородности процессов формирования подобных социокультурных пространств является условием трансформации этнических маркеров в этнические стереотипы.

Этнические стереотипы становятся условием формирования социокультурных стереотипов, которые дифференцируют социокультурное пространство территорий и создают в региональном нарративе восприятия индивидов иной этнической принадлежности. С. А. Мадюкова и О. А. Персидская связывают распространение негативных стереотипов по отношению к мигрантам с образами, которыми наделяют мигрантов официальные власти и средства

¹ Осемян А. К. Социологический анализ взаимосвязи диаспоральных процессов и этического конфликта / А. К. Осемян // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7 (168). С. 32.

² Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 10.

³ Ерохина Е. А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 122.

массовой информации, и представлениями, которые складываются в результате непосредственного взаимодействия индивидов с мигрантами¹.

Н. С. Зими́на выделяет четыре фактора, которые формируют отношение к мигрантам в региональном социуме: «принадлежность к определенному гражданству», «особенности этноса», «культурная и языковая близость», и «историческая память»². Фактор гражданской принадлежности связан, с пространством межгосударственных отношений, которые оказывают влияние на функционирование миграционных потоков. Мигрант из страны, с которой государство поддерживает хорошие отношения, обычно воспринимается местным населением лучше, чем мигрант из государства, с которым межгосударственные отношения испорчены. Фактор этических особенностей актуализируется существованием в региональном социуме этнических стереотипов. Фактор культурной и языковой близости связан с потенциальными выстраиваниями эффективных отношений между местными жителями и мигрантами, если они говорят на языках, которые входят в одну языковую группу, придерживаются одной религии, имеют схожие этнокультурные нормы, традиции и обычаи. Фактор исторической памяти формирует особое пространство отношений между местными жителями и мигрантами в случае наличия исторических взаимодействий между их предками и событиями, сопровождавшими такие взаимодействия.

П. К. Варнавский описывает механизмы, благодаря которым мигранты не просто оказывают давление на принимающее сообщество, но и создают условия для своей адаптации к новому социокультурному пространству. Так открытое использование традиционных социокультурных практик позволяет мигрантам поддерживать свою этнокультурную идентичность, но при этом способствует увеличению уровня межэтнической напряженности с местными жителями. Общественная деятельность лидеров по объединению сообществ мигрантов,

¹ Мадюкова С. А., Персидская О. А. Мигранты в социальном пространстве города // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 166.

² Зими́на Н. С. Восприятие мигрантов принимающим сообществом: социально-антропологический аспект // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 90.

способствует активизации работы диаспор и созданию общественных организаций. Деятельность по реформированию административно-управленческих практик в социокультурном пространстве территорий прибытия помогает добиваться снижения требований миграционного законодательства, формального и неформального контроля со стороны надзорных органов. Выстраивание дискурса мультикультурализма способствует гармонизации территориального пространства межэтнических отношений¹.

Дискурс мультикультурализма в социокультурном пространстве принимающих мигрантов регионов в современной ситуации строится на двух основаниях: «концепции развития» и «концепции безопасности»². Концепция развития основывается на том, что миграционный процесс является необходимым элементом динамики регионального социокультурного пространства.³ Приведение миграционных потоков в формализованные институциональные формы способствует принимающему сообществу инкорпорировать мигрантов в наиболее проблемные поля экономических культурных и других отношений. Органам государственной власти и общественным институтам необходимо переориентировать векторы миграционной политики в сторону привлечения и последующей адаптации мигрантов в свое социокультурное пространство. Концепция безопасности определяет миграцию, как форму давления и угрозу функционированию социокультурных институтов и этнокультурной идентичности местного населения⁴. Концепция безопасности требует от принимающего сообщества максимально жесткого и настороженного отношения к мигрантам, способствует укреплению разнообразных форм ограничения

¹ Варнавский П. К. Кыргызская диаспора в Улан-Удэ: этнизация мигрантской общины как реакция на контракт с принимающим сообществом // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4. С. 124.

² Дробижина Л. М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., 2010. С. 122.

³ Сажина Л. В. Интенсификация процесса взаимопроникновения мировых культур // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 32-33.

⁴ Metelev S. E. Migration as a Threat of National Security // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9. No. 14. P. 91086.

миграционной активности, формирует информационное пространство с применением установок мигрантофобии.

Южно-Сибирский регион испытывает наибольшее давление со стороны центрально-азиатских мигрантов. Это подтверждается как статистическими данными государственных органов, фиксирующих количество въезжающих на территорию республик Южной Сибири мигрантов, так и социологическими исследованиями, проводимыми различными исследовательскими группами в регионе. Поэтому можно утверждать, что миграция из Центральной Азии – самый серьезный миграционный тренд в Южной Сибири. Появление большого числа мигрантов в регионе вносит дисбаланс в существующее социокультурное равновесие. В отличие от крупных городов и мегаполисов, где приезжие мигранты оказываются на периферии общественных отношений и оказывают незначительное влияние на сложившуюся социокультурную среду, в республиках Южной Сибири у них есть некоторые основания для демонстрации своей собственной идентичности местному населению республик.

Миграционное давление мигрантов-казахов определяется трансграничным положением Республики Алтай и спецификой межэтнической ситуации в Кош-Агачском районе, где казахи являются крупнейшей этнической группой. Кроме демографического превосходства казахи преуспевают в предпринимательской деятельности, сфере дорожного строительства, контролируют автотранспортные предприятия. Дополнительной поддержкой этнического самосознания является ислам, который способствует консолидации сообщества вокруг религиозных обрядов и практик¹. Подобная установка, безусловно, негативно сказывается на отношениях с алтайцами, которые оказываются не в силах препятствовать укрепляющемуся влиянию мигрантов на родной земле. Это приводит с одной стороны к росту потенциала межэтнической напряженности, который в будущем

¹ Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 173-175.

может стать причиной различного рода проблем и конфликтов, а с другой стороны, к кризису этнокультурной идентичности среди алтайцев.

Кыргызская миграция в Южную Сибирь имеет свою специфику, которая определяется историческими и социокультурными факторами. По некоторым историческим источникам, на основе которых в постсоветском независимом Кыргызстане были написаны учебники и учебные пособия по истории, на территории современного Южно-Сибирского региона когда-то проживали енисейские кыргызы, которые считаются предками современных жителей Кыргызстана¹. Подобные трактовки создают социокультурный нарратив, который развивается среди части местного и приезжего населения за счет функционирования мифологемы о возвращении кыргызов на историческую родину. Он оказывает влияние как на поведение самих кыргызов, так и этнических групп принимающего сообщества. В случае русской части местного сообщества он воспринимается менее остро и не имеет каких-то ощутимых последствий в межэтнических отношениях. Для хакасского населения данный нарратив является угрозой собственной идентичности, поэтому приводит к периодическим конфликтам на почве бытового национализма, трудовых отношений и конкуренции в сфере традиционного хозяйства.

Динамика социокультурного пространства Южно-Сибирского региона создает новые основания самоидентификации представителей основных этнических групп региона. Трансформация этнокультурной идентичности проходит в условиях постоянных изменений во всех сферах общественной жизни. В современной ситуации одним из важнейших факторов динамики таких изменений становится активное вмешательство мигрантов из-за рубежа. Миграционное давление, которое оказывается на региональный социум в этнокультурной, экономической и религиозной форме, ставит перед региональной

¹ Нусупов Ч. Т. Истоки кыргызской государственности и Евразия. Бишкек, 2003. 166 с.; Джунушалиев Д. Исторические этапы кыргызской государственности (III в. до н.э. – XIX в). Бишкек, 2003. 112 с.

общественностью задачу гармоничного инкорпорирования миграционного сообщества в социокультурное пространство Южной Сибири.

Подводя итоги второй главы «Трансформация идентичности жителей республик Южной Сибири в условиях внешнего миграционного давления на современном этапе», отметим, что в условиях активизации внешнего миграционного давления в структуре этнокультурной идентичности жителей Республик Южной Сибири отмечается тенденция усиления гражданской идентичности. Несмотря на наличие этнокультурных, религиозных и экономических особенностей во внешнем миграционном давлении на Южно-Сибирский регион, механизмы реакции на подобное давление являются универсальными на всей территории Российской Федерации. Формирование активного общества ориентированного на идентификационные практики конструирования гражданственности является способом защиты этнокультурной идентичности от вызовов внешней миграции. Миграция из Республики Кыргызстан определяется как основной внешний миграционный поток на территорию Южной Сибири. Активизация деятельности кыргызских мигрантов в республиках Южной Сибири приводит к усилению негативных отношений по отношению к мигрантам и способствует актуализации гражданского, регионального и этнического компонентов этнокультурной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе выполнения диссертационного исследования феномен этнокультурной идентичности был рассмотрен в диахроническом и синхроническом аспекте. Анализ работ конструктивистского толка позволил рассмотреть этническую культуру, как основу функционирования коллективной идентичности, которая характеризуется восприятием собственного «Я» через призму исторического развития определенной этнической группы, традиций, мифологем и символов, которые находятся в диалектической взаимосвязи. Этнокультурная идентичность, будучи особым психологическим, эмоциональным и социальным феноменом, становится пространством формирования представлений индивида о культурной реальности.

Философско-антропологическая рефлексия способствовала выделению таких типов этнокультурной идентичности как глобальная, макрорегиональная, региональная, локальная; гражданская и этническая идентичность. Актуализация каждого из этих типов наступает в случае действия уникальных факторов, которые зависят от окружающего социокультурного пространства и целях, которые ставит перед собой индивид.

На основании анализа широкого спектра миграционных данных теорий была уточнено определение «миграции», как совокупности территориального и социального движения, связанного со сменой места жительства и происходящего на относительно продолжительный срок. Был сделан вывод, что одним из важнейших векторов действия международной миграции становится социокультурное пространство территорий, в которых происходят мировоззренческие конфликты между мигрантами и местным населением. Наиболее емкими и функциональными инструментами для описания комплекса таких взаимодействий, в контексте данного исследования, стали синтетическая теория международной миграции и теория транснациональной миграции.

В контексте данного исследования международная миграция определяется в качестве эффективного инструмента трансляции культуры, который способствует формированию стабильных миграционных каналов взаимодействия представителей различных этнических групп. Миграция из одной территории в другую создает миграционный поток, который функционирует на протяжении некоторого времени и стимулирует появление миграционных сообществ. Миграционные сообщества, в свою очередь, функционируют в чужом социокультурном пространстве и стремятся к объединению в формате миграционной сети. Необходимым условием жизнеспособности миграционной сети является ее институционализация, которая происходит при создании и успешном функционировании диаспор и общественных организаций. Подобная миграционная сеть превращается в инструмент давления на региональный социум, так как в результате институционализации, получает возможность навязывания своих собственных интересов и ценностных установок.

Теория транснациональной миграции декларирует важный принцип, который непосредственно связан с предметом данного исследования: совершая миграционное движение, индивид попадает в социокультурное пространство, которое трансформирует его идентичность, но при этом индивид продолжает поддерживать этнокультурные связи с родиной. В результате появляется вероятность возникновения у мигранта кризиса самоидентификации, который может стать причиной межэтнического конфликта в территории прибытия.

Анализ особенностей этнокультурной идентичности жителей республик Южной Сибири позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе согласование происходит за счет актуализации гражданской идентичности. Изменяющаяся социокультурная среда, стремящаяся к транскulturности, формирует новые нарративы функционирования этнокультурной идентичности. Этничность больше не является важнейшим инструментом самоидентификации индивида, а модернизирующаяся этническая культура выступает в виде буферной зоны между индивидом, социальными институтами и глобальным миром.

Этнокультурная идентичность занимает позицию латентного защитного механизма, который всегда можно актуализировать в случае кризиса других видов идентичности. Наличие подобного механизма представляется особенно важным для этнических групп, которые составляют небольшую часть населения полиэтничных регионов и испытывают давление, как со стороны других этнических групп, так и нарастающего потока международных мигрантов. Трансформация социокультурного пространства, осуществляющаяся на основе согласования основных типов этнокультурной идентичности всех участников межэтнических отношений, в данном пространстве представляется наиболее эффективным способом предотвращения эскалации возможных этнокультурных конфликтов и сохранения культурного многообразия территорий.

Динамика социокультурного пространства Южно-Сибирского региона создает новые основания самоидентификации представителей основных этнических групп региона: русских, алтайцев, тувинцев, хакасов. Трансформация этнокультурной идентичности происходит в условиях постоянных изменений во всех сферах общественной жизни. В современной ситуации одним из важнейших факторов динамики таких изменений становится активное вмешательство мигрантов из-за рубежа. Миграционное давление, которое оказывается на региональный социум в этнокультурной, экономической и религиозной форме, ставит перед региональной общественностью задачу гармоничного инкорпорирования миграционной составляющей в социокультурное пространство Южной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесова, Г. А. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева – М. 2004. – 418 с.
2. Аксютин, Ю. М. Влияние процессов трансформации идентичностей жителей регионов постсоветской России на оценку характера межэтнических отношений / Ю. М. Аксютин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11–2 (37). – С. 17-19.
3. Аксютин, Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) / Ю. М. Аксютин // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2 (30). – С. 9.
4. Аксютин, Ю. М. Влияние трансформаций структуры идентичностей жителей Южной Сибири в постсоветский период на межэтнические отношения / Ю. М. Аксютин, А. И. Евдокимов // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] / Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов. – 2016. – С. 4182-4190 – (DVD ROM).
5. Аксютин, Ю. М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая / Ю. М. Аксютин // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10. – № 1–2. – С. 99-106.
6. Аксютин, Ю. М. Трансформация надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект / Ю. М. Аксютин, Е. В. Тышта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1–2. – С. 16-20.

7. Алаудинов, А. А. Региональная идентичность: концептуальные подходы к исследованию / А. А. Алаудинов // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – № 9 (39). – С. 80-86.
8. Алаудинов, А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура / А. А. Алаудинов // Перспективы науки. – 2014. – № 9 (60). – С. 134-137.
9. Алиев, Н. И. Этнокультурная идентичность как составляющая антропосоциальной реальности / Н. И. Алиев, З. Э. Абдулаева // Гуманитарий юга России. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 127-132.
10. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
11. Анжиганова Л. В. Национальный миф в этническом пространстве хакасов / Л. В. Анжиганова // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Серия «Котожековские чтения». Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. – 2001. – С. 88-94.
12. Анжиганова, Л. В. Принимающее сообщество и трудовые мигранты Республики Хакасия: риски и перспективы взаимодействия / Л. В. Анжиганова / Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика: сб. науч. тр. – Омск: Издательский центр КАН. – 2018. – С. 212-221.
13. Анжиганова, Л. В. Эволюция межнациональных отношений в Республике Хакасия (социологический аспект) / Л. В. Анжиганова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 1. – С. 78-82.
14. Анисимова, А. А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. – Новосибирск: НГУ, 2012. – 176 с.

15. Анисимова, А. А. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. – 2012. – № 3. – С. 11-41.
16. Аполлонов, И. А. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации / И. А. Аполлонов, И. Д. Тарба // *Вопросы философии*. – 2017. – № 8. – С. 30-42.
17. Арутюнян, Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований / Ю. В. Арутюнян. – М. Наука, 2003. – 207 с.
18. Барсукова, Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход / Е. Н. Барсукова // *Общество. Среда. Развитие*. – 2012. – № 4 (25). – С. 193-196.
19. Барт, Р. Война языков. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
20. Барышева, Ю. С. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса / Ю. С. Барышева, А. П. Краснопольская // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. – 2015. – № 6 (68). – С. 108-115.
21. Бауман, З. Текущая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
22. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Московский философский фонд, «Академия-Центр», «Медиум», 1995. – 323 с.
23. Благовская, Е. В. Этническая идентичность как основа формирования институтов этнической идентификации В Республике Алтай: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Благовская Евгения Васильевна; ЗабГУ. – Чита, 2013. – 149 с.

24. Богатова, О. А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах / О. А. Богатова // Регионоведение. – 2017. – Т. 25. – № 1 (98). – С 117-138.
25. Богатова, О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия / О. А. Богатова // Власть. – 2011. – № 5. – С. 110-115.
26. Бородкина, О. И. Социальные риски международной иммиграции в Россию / О. И. Бородкина, Н. В. Соколов, А. В. Тавровский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 114-133.
27. Брусина, О. И. Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор / О. И. Брусина // Вестник Евразии. – 2008. – № 2. – С. 66-95.
28. Варнавский, П. К. Кыргызская диаспора в Улан-Удэ: этнизация мигрантской общины как реакция на контракт с принимающим сообществом / П. К. Варнавский // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 117-129.
29. Вендина, И. О. Московская идентичность и идентичность москвичей / И. О. Вендина // Известия РАН. Серия географическая. (5). – 2012. – С. 27-39.
30. Винокуров, В. Ю.. Экономика ЕАЭС: повестка дня / В. Ю. Винокуров, Т. В. Цукарев // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 4 (29). – С. 7-21.
31. Волков, В. Н. Проблема идентичности в современном мире // Педагогическое образование и наука. – 2013. – № 6. – С. 92-95.
32. Воропаева, В. История отечества: краткий курс лекций по истории Кыргызстана / В. Воропаева, Д. Джунушалиев, В. Плоских; Отв. ред. акад. А. Ч. Какеев – Бишкек: Илим, 2002. – 200 с.

33. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
34. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Путь: международный философский журнал. – 1992. – № 1. – С. 9-61.
35. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М.: Московская школа политологических исследований, 2004. – 240 с.
36. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: «Весь Мир», 2004. – 120 с.
37. Гриценко, В. П. Глобализационный тренд и этнокультурная идентичность / В. П. Гриценко, А. В. Опошнянский // Общество и право. – 2017. – № 2 (60). – С. 265-269.
38. Грушевицкая, Т. Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе / Т. Г. Грушевицкая // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-2 (54). С. 137-139.
39. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло – М.: Наука, 2003. – 764 с.
40. Данилова, Е. О. Теория Д. Массея в дискурс-анализе социально-экономической активности и сетевого взаимодействия трудовых мигрантов в РФ / Е. О. Данилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3 (23). – С. 159-164.
41. Денисова, Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области / Г. С. Денисова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 1 (1). – С. 82-90.
42. Джунушалиев, Д. Исторические этапы кыргызской государственности (III в. до н.э. – XIX в). / Д. Джунушалиев и др. – Бишкек: «АРХИ», 2003. – 112 с.

43. Дмитриев, А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы / А. В. Дмитриев // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 1 (09). – С. 16-29.

44. Донгак, В. С. О. Этническая идентичность тувинцев: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Донгак Венера Седип-ооловна; СпбГУ. Санкт-Петербург, 2003. – 183 с.

45. Дробижева, Л. М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 9-24.

46. Дробижева, Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражения вектора консолидационных процессов / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2017. – № 1 (393). – С. 26-36.

47. Дробижева, Л. М. Российская идентичность и межэтническая толерантность / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. М. К. Горшкова. – М.: Новый хронограф. – 2010. – С. 116-135.

48. Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.

49. Дробижева, Л. М. Этничность в современном мире: новые подходы, старые мифы, социальные практики / Л. М. Дробижева // Вестник института социологии. – 2010. – №1. – С. 430-442.

50. Дудик, С. Г. Перспективы этнокультурного взаимодействия в полиэтничной среде Республики Алтай / С. Г. Дудик // Алтай-Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. – 2016. – С. 220-226.

51. Дудик, С. Г. Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай / С. Г. Дудик, Ю. В. Хвастунова, Л. В. Кыпчаковой, И. С. Буханько. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2015. – 108 С.

52. Дутчак, Е. Е. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? / Е. Е. Дутчак, Э. Л. Львова, И. В. Нам // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2012. – № 2–1. – С. 41-44.

53. Дюкин, С. Г., Самойлова И. В. Миграция в свете проблемы Другого / С. Г. Дюкин, И. В. Самойлова // Научный альманах. – 2016. – № 7–2 (21). – С. 180-184.

54. Дятлов, В. И. Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем сообществе) / В. И. Дятлов // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сборник научных статей. – 2015. – С. 198-209.

55. Дятлов, В. И. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества / В. И. Дятлов, К. В. Григоричев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 10. – С. 8-19.

56. Евдокимов, А. И. Анализ восприятия трудовых мигрантов из-за рубежа жителями республик Южной Сибири на современном этапе / А. И. Евдокимов // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 12 (130). – С. 61-65.

57. Евдокимов, А. И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе / А. И. Евдокимов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 3 (59). – С. 215-223.

58. Евдокимов, А. И. Нарративы восприятия миграции в региональном социуме (на примере центрально-азиатской миграции в республиках Южной Сибири) / А. И. Евдокимов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11-1 (53). – С. 149-152.

59. Евдокимов, А. И. Оценка факторов межэтнической напряженности в республиках Саяно-Алтая (анализ результатов социологического исследования 2016 г.) / А. И. Евдокимов // Конфликтология и конфликты в современном мире: Материал Всерос. науч. конф. (Омск, 28 апреля, 2017 г.) / под ред. С. Ф. Денисова, Т. М. Овчинниковой, О. И. Колотовой. – Омск: Изд-во ОмГПУ. – 2017. – С. 115-119.

60. Евдокимов, А. И. Южно-сибирский вектор центрально-азиатской миграции: кыргызы в Хакасии / А. И. Евдокимов // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 18. В 2 т. / отв. ред. В. В. Анюшин. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». – 2014. – С. 165.

61. Ерохин, Н. А. Демографическая безопасность государства: концепт и предметное поле / Н. А. Ерохин // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 8. – С. 364-370.

62. Ерохина, Е. А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве города / Е. А. Ерохина // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 13. – № 4. – С. 120-126.

63. Ерохина, Е. А. «Местные» и «приезжие»: этническая граница и межэтническое взаимодействие в современном российском мегаполисе / Е. А. Ерохина // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 72-78.

64. Ерохина, Е. А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия) / Е. А. Ерохина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 100-103.

65. Ерохина, Е. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы / Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // *Философия образования*. 2015. № 1 (58). С. 165-177.
66. Жоошбекова, А. Р. Миграционные процессы в среде кыргызов (на материалах этносоциологических исследований юга Кыргызстана) / А. Р. Жоошбекова – Бишкек, 2012. – 196 с.
67. Журавская, Т. Н. Миграция из стран СНГ в Амурскую область в контексте синтетической теории / Т. Н. Журавская // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 3. – С. 105-132.
68. Зайнутдинов, А. Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа / А. Э. Зайнутдинов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2012. – Т. 15. – № 6. – С. 335-343.
69. Замараева, Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI вв. (на примере Красноярского края) / Ю.С. Замараева // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 2. – С. 649.
70. Зими́на, Н. С. Восприятие мигрантов принимающим сообществом: социально-антропологический аспект / Н. С. Зими́на // *Региональные проблемы*. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 88-94.
71. Ивахнюк, И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И. В. Ивахнюк // *Век глобализации*. – 2011. – № 1-2 (17-18). – С. 26-43.
72. Излученко, Т. В. Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма / Т. В. Излученко // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. – 2017. – Т. 22. – С. 165-176.
73. Излученко, Т. В. Русский ислам: современное положение и тенденции развития / Т. В. Излученко // *Вестник красноярского государственного аграрного университета*. – 2013. – № 1. – С. 278-282.

74. Ионцев, В. А. Международная миграция в контексте глобализации мирового хозяйства / В. А. Ионцев, И. А. Алешковский // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 10 (116). – С. 5-21.
75. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. – М., 1999. – 124 с.
76. Копцева, Н. П. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // Философия и культура. – 2015. – № 1 (85). – С. 12-19.
77. Кочеткова, Л. Ю. Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия / Л. Ю. Кочеткова // Географический вестник. – 2013. – № 2 (25). – С. 24-28.
78. Кули, Ч. Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль. Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 316-329.
79. Ламажаа, Ч. К. О. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях / Ч. К. О. Ламажаа // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 2.
80. Левяш, И. Я. Открытое общество: от границы к фронтиру / И. Я. Левяш // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 69-80.
81. Линченко, А. А. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса / А. А. Линченко, В. Н. Сыров, О. В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 79- 85.
82. Лисицын, П. П. Теоретико-методологические основания социального анализа процессов трудовой миграции / П. П. Лисицын, А. В. Резаев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 122-129.
83. Литвинова, И. А. Специфика социальных сетей мигрантов / И. А. Литвинова // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2. – № 3. – С. 63-69.

84. Мадюкова, С. А. Мигранты в социальном пространстве города / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 161-176.
85. Мадюкова, С. А. Региональная специфика этносоциальных процессов и межэтнических отношений в Республике Алтай / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // Новые исследования Тувы. – 2014. – № 2 (22). – С. 103.
86. Мадюкова, С. А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 39. – № 4. – С. 112-119.
87. Мадюкова, С. А. Установки в межэтнических отношениях как индикатор этносоциальной ситуации (на материале массового опроса в Республике Алтай) / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 101-112.
88. Малыгина, И. В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дисс. ... д-р. филос. наук: 24.00.01 / Малыгина Ирина Викторовна; МГУКИ. – М., 2005. – 305 с.
89. Массей, Д. На пути к всеобъемлющей модели международной миграции / Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13-15 сентября 2007 г. Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. – Вып. 20). – 2007. – С. 146-171.
90. Мид, Дж. От жеста к символу. Интернационализованные другие и самость. Аз и Я / Дж. Мид // Американская социологическая мысль. Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 215-237.
91. Моджина, Н. В. Миграция населения: компаративный анализ концептуальных подходов / Н. В. Моджина // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 4 (18). – С. 71-78.

92. Моисеенко, В. М. Внутренняя миграция населения / В. М. Моисеенко. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. – 285 с.
93. Морозова, В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. ... д-р. филос. наук: 09.00.13 / Морозова Валентина Сергеевна; ЗабГУ. – Чита, 2013. – 378 с.
94. Морозова, Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е. В. Морозова, Е. В. Улько // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4. – № 4. – С. 139-151.
95. Мукомель, В. И. Специфика взаимной адаптации и интеграции принимающего населения и мигрантов в молодежной среде / В. И. Мукомель // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2. м № 4-1 (105). – С. 108-120.
96. Мурзина, И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры / И. Я. Мурзина // Социологические исследования. – 2004. – №2. – С. 60-65.
97. Муха, В. Н. Этнокультурная идентичность в условиях диаспоры: конфессиональный, гражданский и региональный компонент / В. Н. Муха // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 40-42.
98. Мухлынкина, Ю. В. Основные критерии и детерминанты этнической идентичности / Ю. В. Мухлынкина // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2013. – № 7 (7). – С. 119-124.
99. Мухлынкина, Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности / Ю. В. Мухлынкина // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2014. – № 8 (8). – С. 87-92.
100. Мухлынкина, Ю. В. Этническая идентичность в эпоху глобализации / Ю.В. Мухлынкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 4. – С. 233-244.
101. Нейрн, Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа / Т. Нейрн; Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2007. – № 1 (58). – С. 14-33.

102. Нестик, Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование / Т. А. Нестик // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2017. – Т. 2. – №. 4 (8). – С. 145-185.

103. Нусупов, Ч. Т. Истоки кыргызской государственности и Евразия / Ч.Т. Нусупов. – Бишкек: Кырг. Нац. Ун-т., 2003. – 166 с.

104. Осадчая, Г. И. Постсоветская Россия: особенности миграционных процессов и политики / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина // ПОИСК: Политика. Обществознание. Искусство. Социология. Культура. – 2016. – № 3 (56). – С. 55-80.

105. Осепян, А. К. Социологический анализ взаимосвязи диаспоральных процессов и этического конфликта / А. К. Осепян // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 7 (168). – С. 31-37.

106. Персидская, О. А. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований / О.А. Персидская, А.И. Евдокимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (72). – С. 137-141.

107. Пешкова, В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики / В. М. Пешкова // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 48-62.

108. Письменная, Е. Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ / Е. Письменная, С. Рязанцев С., В. Боженко // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т. 19. – № 4. – С. 97-105.

109. Плотникова, М. М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов / М. М. Плотникова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8. – № 5. – С. 245-252.

110. Попков, Ю. В. Региональные особенности этнонациональной политики / Ю. В. Попков // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 4. – С. 9-28.

111. Попков, Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики / Ю. В. Попков // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 1.
112. Попков, Ю. В. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методические основы / Ю. В. Попков, В. Г. Костюк // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12. – № 2. – С. 111-117.
113. Попков, Ю. В. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири / Ю. В. Попков, О. А. Персидская // Новые исследования Тувы. – 2014. – № 4 (24). – С. 6.
114. Попов, М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: автореф., дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Попов Максим Евгеньевич; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь. – 2011. – 58 с.
115. Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия – проблемы и перспективы развития. / Под ред. В. Г. Ибрагимовой. –Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 87 с.
116. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории) / Л. Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ РАН. – 2003. – 235 с.
117. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России» / Л. Л. Рыбаковский. – М., 2001. – 159 с.
118. Садовская, Е. Ю. Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества / Е. Ю. Садовская // Вестник Евразии. – 2008. – № 2. – С. 151-180.
119. Сажина, Л. В. Интенсификация процесса взаимопроникновения мировых культур / Л. В. Сажина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 1 (32). – С. 32-35.

120. Сажина, Л. В. Особенности современной транснациональной миграции (теоретические подходы к анализу) / Л. В. Сажина // *Философия права*. – 2007. – № 4. – С. 142-146.

121. Самсонкина, Е. А. Риски этнической идентичности в современном мире / Е. А. Самсонкина, В. Н. Муха // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. – 2014. – № 37. – С. 58-63.

122. Санина А. Г.. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы / А. Г. Санина, А. В. Павлов // *Управленческое консультирование*. – 2015. – № 9 (81). – С. 30-40.

123. Санина, А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты / А. Г. Санина // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2010. – Сер. 12. Вып. 4. – С. 281-286.

124. Семеновко, И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса / И. С. Семеновко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 11. – С. 91-102.

125. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит; пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филлипова, Э. С. Загашвили и др. – М. Праксис, 2004. – 464 с.

126. Соболев, Э. Н. Трудовая миграция в свете сохранения национальной идентичности России / Э. Н. Соболев // *Вестник международного института менеджмента ЛИНК*. – 2009. – № 24. – С. 147-164.

127. Солодова, Г. С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов / Г. С. Солодова // *Сибирский философский журнал*. 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 83-88.

128. Сулейманова, Ш. С. Миграционные процессы и межнациональные, межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ / Ш. С. Сулейманова, Е. Л. Рябова // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2016. – № 2 (92). – С. 9-20.

129. Сыров, В. Н. В чем заключается специфика мифа? / В. Н. Сыров // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 1. – № 4. С. 70-77.
130. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. 2013. – 649 с.
131. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
132. Тугужекова, В. Н. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (к. 1980 – 1990–е годы) / В. Н. Тугужекова, О. М. Карачакова. – Абакан, 2005. – 104 с.
133. Фомина, М. Н. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры / М. Н. Фомина, О. А. Борисенко // Концепт: философия, религия, культура. – 2018. – № 1 (5). – С. 105-113.
134. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47-62.
135. Чистанов, М. Н. К вопросу о возможных интерпретациях современного исторического сознания / М. Н. Чистанов // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 95-98.
136. Чистанов, М. Н. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути» / М. Н. Чистанов, С. С. Чистанова, Т. Маслова, И. С. Кудряшов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 158–172.
137. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибатуни. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.
138. Шмелькова, Е. В. Особенности национальных стереотипов коренного населения по отношению к трудовым мигрантам / Е. В. Шмелькова, И. М. Михалёва // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2014. – № 1. – С. 24.

139. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
140. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пицилькова. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
141. Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / под ред. Л.В. Анжигановой. – Абакан: изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 96 с.
142. Юдина, Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления / Т.Н. Юдина. – М., 2004. – 400 с.
143. Ясинская-Лахти, И. Идентичность и интеграция в контексте этнической миграции (на примере ингерманландских финнов) / И. Ясинская-Лахти, Т. А. Мяхёнен, С. Варьйонен и др. // Диаспоры. – 2012. – № 1. – С. 178-196.
144. Anzhiganova L. Ethno-Confessional Neotraditionalism in a Globalized World: Search of Basis of Identification / L. Anzhiganova, V. Asochakova, M. Topoeva // Revista de Humanidades (Spain). 2017. № 30. P. 141-153.
145. Appadurai, A. The Production of Locality / A. Appadurai // Richard Fardon (ed.): Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge. – London: Routledge. – 1995. – PP. 204-225.
146. Armstrong, J. Nations Before Nationalism / J. Armstrong – Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1982. – 410 p.
147. Connor, W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding / W. Connor. – Princeton, N.J., Princeton University Press, 1994. – 234 p.
148. Dower, N., Williams J. Global citizenship. A critical introduction. – N.Y.: Routledge, 2002. – 320 p.
149. Erikson, E. H. The Problem of Ego-identity / E. H. Erikson // Journal of the American Psychoanalytic Association. – 1956. – No. 4. – P. 56-12.1

150. Fishman, J. A. The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity / Joshua A. Fishman and Michael H. Gertner. Assisted by Silvia Burunat. – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. – 527 p.
151. Hobsbawm, E. On History / E. Hobsbawm. – Altrincham, United Kingdom: Little, Brown Book Group, 1998. – 416 p.
152. Glick Schiller, N. Citizens in transnational nation-states: the Asian experience / Olds K., Dicken P., Kelly P., Kong L., Yeung H. (eds.) Globalisation and Asia-Pacific: Contested territories. – London: Routledge. 1999. – 283 p.
153. Glick Schiller, N. Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience / The Handbook of International Migration Review. Ed. by C. Hirschmann, P. Kasinitz and J. De Wind. – New York: The Russell Sage Foundation, 1999. – 550 p.
154. Glick Schiller, N. Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered / N. S. Glick Schiller, L. Bash, C. Blanc-Szanton // Annals of the New York Academy of Science. – 1992. – Vol. 645. – 259 p.
155. Kritz, M.M. International migration systems: A global approach / M. M. Kritz, L. L. Lim, H. Zlotnik. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – PP. 263-278.
156. Lee, E. S. A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. – 1966. – Vol. 3(1). – PP. 47-57.
157. Levitt, P. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society / P. Levitt, Glick-Schiller N. // International Migration Review. – 2004. – №38 (3). – P. 1002-1039.
158. McLuhan M., The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. – Toronto: University of Toronto Press. 1962. – 293 p.
159. Mann, M. The Autonomous Power of the State: It's Origins, Mechanisms and Results / M. Mann // European Journal of Sociology. – 1984. – Vol. 25. – PP. 185-213.

160. Massey, D. S. Social Structure, Household Strategies and the Cumulative Causation of Migration / D. S. Massey // Population Index. – 1990. – No. 56. – PP. 3-26.
161. Massey, D. S. The social and economic origins of immigration / D. S. Massey // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1990. – No. 510. – PP. 60-72.
162. Massey, D. Theories of international migration: A review and appraisal / D. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor // Population and Development Review. – 1993. – Vol. 19 (3). – PP. 431-466.
163. Mead, G. H. Mind, Self and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist / G. H. Mead – Chicago, London: University of Chicago Press, 1934. – 400 P.
164. Metelev, S. E. Labor Migration in Russia as the Reflection of Macroeconomics Trend / S. E. Metelev // Life Science Journal. – 2014. – Vol. 11. – No. 10. – PP. 709-712.
165. Metelev, S. E. Migration as a Threat of National Security / S. E. Metelev // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9. – No. 14. – P. 91086.
166. Palloni, A. Social capital and international migration: a test using information on family networks / A. Palloni, D. Massey // The American Journal of Sociology. – 2001. – Vol. 106. – PP. 1262-1298.
167. Park, R. The City / R. Park, E. Burgess, R. McKenzie. – Chicago, 1925. – 239 p.
168. Piore, M. J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies / M. J. Piore. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 229 p.
169. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration / E. G. Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society. – 1885. – Vol. 48. – PP. 167-227.
170. Sassen, S. The Global City. New York, London, Tokyo / S. Sassen. – Princeton-New Jersey: Princeton University Press, 1991. – 397 p.

171. Smith, A. D. *The Ethnic Origins of Nations* / A. D. Smith. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 312 p.
172. Stark, O. *The migration of labor* / O. Stark. – Oxford: Blackwell. 1991. – 406 p.
173. Stromquist, N. P. *Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education* / N. P. Stromquist // *Interamerican Journal of Education for Democracy*. – 2009. – V. 2. – № 1. – PP. 6-29.
174. Todaro, M. P. *Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework* / M. P. Todaro, L. Maruszko // *Population and Development Review*. – 1987. – No. 13. – PP. 102-114.
175. Thomas, W. *The Polish peasant in Europe and America* / W. Thomas, F. Znaniecki. – New York: Dover, 1958. – 741 p.